II. ГРАЖДАНСКОЕ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Голубцов В. Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 240–262. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-240-262.

Golubtsov V. G. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок [Court Judgement as a Jural Fact in Civil Law: Doctrinal Discourse and the Problem of Legal Formulations]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 240–262. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-240-262.

УДК 340.142:347

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-240-262

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ

КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ:

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛЬНЫХ ФОРМУЛИРОВОК

В. Г. Голубцов

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Поступила в редакцию 13.11.2020

Введение: роль судебного решения, которым установлены гражданские права и обязанности, в гражданском праве продолжает оставаться не до конца осознанной. В современной цивилистике еще не сформировались сколько-нибудь определенные и известные теоретические воззрения на сей счет, кроме тех, которые были сформулированы в тот период, когда в науке активно обсуждался сам факт включения судебного решения в число юридических фактов гражданского права. Автор обращается к этой проблематике через обзор, анализ и обобщение существующих научных взглядов, вовлекая в содержание исследования межотраслевые аспекты. Также предметом исследования явились спорные вопросы законодательного определения судебного решения как основания возникновения гражданских прав и обязанностей и анализ значимых для исследования методологических позиций. **Цель:** принимая теорию преобразовательных исков как данность, признаваемую в современной доктрине гражданского процессуального права, исследовать правообразующую силу судебного решения, определяемого законодателем в качестве юридического факта гражданского права. **Методологическая основа исследования:** общенаучный метод научного познания, отражающий связь доктрины и правоприменения; методы диалектики, анализа, синтеза, аналогии, функционального, междисциплинарного и системного подходов. **Результаты:** предлагаемая в статье система понятий, в основании которой находится судебное решение в его гражданско-правовом значении юридического факта материального права, позволяет утверждать, что связь таких понятий, как «судебное решение» и «юридический факт материального права», пребывает в большей мере умозрительном соотношении. Объяснить судебные решения в качестве основания возникновения гражданских правоотношений одним лишь уходом в

Information for citation:

Golubtsov V. G. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок [Court Judgement as a Jural Fact in Civil Law: Doctrinal Discourse and the Problem of Legal Formulations]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 240–262. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-240-262.

Golubtsov V. G. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 240–262. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-240-262.

UDK 340.142:347

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-240-262

COURT JUDGEMENT AS A JURAL FACT IN CIVIL LAW:
DOCTRINAL DISCOURSE AND THE PROBLEM OF LEGAL FORMULATIONS

V. G. Golubtsov

Perm State University

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Received 13.11.2020

Introduction: the role of the court judgement that determines civil rights and obligations remains not completely perceived in civil law. In the modern science of civil law, no definite theoretical views on this subject have yet been formed, except for those that were formulated in the period when the science was actively discussing the very fact of referring court judgements to jural facts of civil law. In the article, we address this issue through reviewing, analyzing and generalizing the existing scientific views, with inter-disciplinary aspects also involved. The scope of study includes the disputable issues of the legislative definition of the court judgement seen as the basis for the commencement of civil rights and obligations and also the analysis of methodological positions significant for the research. **Purpose:** while taking the theory of modificatory claims as what is recognized in the modern doctrine of civil procedural law, to investigate the right-establishing force of the court judgement defined by the legislator as a jural fact of civil law. **Methods:** the methodological framework of the research is based on the general scientific method of scientific cognition, which reflects the relationship between the doctrine and law enforcement, as well as methods of dialectics, analysis, synthesis, analogy, functional, interdisciplinary, and system approaches. **Results:** the article proposes a system of concepts with the court judgment in its civil law meaning of a jural fact of substantive law lying at the core. Based on this system, we can state that the relationship between such concepts as the 'court judgement' and the 'jural fact of substantive law' is to a greater extent speculative. It is not sufficient to explain a court judgement as the basis for the commencement of civil law relations only based on the theory of procedural law, which divides all claims into declarative and constitutive ones. We argue that the concept 'court judgement' in its substantive meaning has a dual civil law function: (1) in the meaning of its right-restorative function – as a result of the protection of a violated civil right, and (2) as one of the grounds for the establishment of civil rights and obligations resulting from a private person's initiative and the court authority. The right of the court to deliver right-establishing judgements that become one of the legal regula-

теорию процессуального права, разделив все иски на декларативные и конститутивные, – недостаточно. Аргументировано, что понятие «судебное решение» в его материально-правовом значении имеет двоякий гражданско-правовой функционал: 1) в значении его правовосстановительной функции как итог защиты нарушенного гражданского права и 2) как одно из оснований установления субъективных гражданских прав и обязанностей на основании инициативы частного лица и власти суда. Право суда постановлять правообразовательные судебные решения, которые в гражданско-правовом пространстве становятся одним из элементов правового регулирования, является исключением из общего гражданско-правового правила, основанного на диспозитивном методе регулирования, согласно которому стороны определяют свои права и обязанности взаимным соглашением. По итогам анализа существующих в доктрине взглядов на понятие судебного решения в его материально-правовом значении, которое многими авторами принимается как не соответствующее его более широкому процессуальному значению, автор обосновывает суждение о том, что явных оснований для констатации якобы имеющегося противоречия между материальным и процессуальным законодательством в части логического объема понятия «судебное решение» нет. Важнее видеть реальный правовой смысл этого понятия в гражданско-правовой действительности, который состоит в сочетании материально-правовой значимости судебного решения для установления субъективных гражданских прав и обязанностей, и публично-правовой сущности этого акта, которая проявляется не в частных действиях самих заинтересованных лиц, а в односторонних действиях суда как субъекта публичного права. Автором сформулированы также отдельные методологические позиции, способные служить теоретическими ориентирами для дальнейшего исследования проблемы судебного решения в качестве одного из юридических фактов гражданского права.

Ключевые слова: судебный акт; юридический факт материального права; конститутивное судебное решение; правообразующие факты; гражданские права и обязанности

COURT JUDGEMENT AS A JURAL FACT IN CIVIL LAW: DOCTRINAL DISCOURSE AND THE PROBLEM OF LEGAL FORMULATIONS

V. G. Golubtsov

Perm State University

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Received 13.11.2020

Introduction: the role of the court judgement that determines civil rights and obligations remains not completely perceived in civil law. In the modern science of civil law, no definite theoretical views on this subject have yet been formed, except for those that were formulated in the period when the science was actively discussing the very fact of referring court judgements to jural facts of civil law. In the article, we address this issue through reviewing, analyzing and generalizing the existing scientific views, with inter-disciplinary aspects also involved. The scope of study includes the disputable issues of the legislative definition of the court judgement seen as the basis for the commencement of civil rights and obligations and also the analysis of methodological positions significant for the research. **Purpose:** while taking the theory of modificatory claims as what is recognized in the modern doctrine of civil procedural law, to investigate the right-establishing force of the court judgement defined by the legislator as a jural fact of civil law. **Methods:** the methodological framework of the research is based on the general scientific method of scientific cognition, which reflects the relationship between the doctrine and law enforcement, as well as methods of dialectics, analysis, synthesis, analogy, functional,

tion elements within civil law, is an exception to the general civil law rule implying the discretionary method of regulation, according to which the parties determine their rights and obligations by mutual agreement. Following the analysis of the doctrinal views on the concept of the court judgement in its substantive meaning, which many authors consider to be the one not corresponding to its broader procedural meaning, we justify the position that there are no obvious grounds for diagnosing the alleged contradiction between substantive and procedural legislation in terms of the logical scope of the 'court judgement' concept. It is more important to see the real legal meaning of this concept in the civil law reality, which involves a combination of the substantive law significance of a court judgement for establishing civil rights and obligations and the public law essence of this act, which is manifested not in private actions of the interested persons themselves but in unilateral actions of the court as a public law subject. We also formulated some methodological positions that could serve as theoretical guidelines for further research into the problem of the court judgement as one of the jural facts of civil law.

Keywords: judicial act; jural fact of substantive law; constitutive judgement; right-establishing facts; civil rights and obligations

Information in Russian

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛЬНЫХ ФОРМУЛИРОВОК

В. Г. Голубцов

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Поступила в редакцию 13.11.2020

Введение: роль судебного решения, которым установлены гражданские права и обязанности, в гражданском праве продолжает оставаться не до конца осознанной. В современной цивилистике еще не сформировались сколько-нибудь определенные и известные теоретические воззрения на сей счет, кроме тех, которые были сформулированы в тот период, когда в науке активно обсуждался сам факт включения судебного решения в число юридических фактов гражданского права. Автор обращается к этой проблематике через обзор, анализ и обобщение существующих научных взглядов, вовлекая в содержание исследования межотраслевые аспекты. Также предметом исследования явились спорные вопросы законодательного определения судебного решения как основания возникновения гражданских прав и обязанностей и анализ значимых для исследования методологических позиций. **Цель:** принимая теорию преобразовательных исков как данность, признаваемую в современной доктрине гражданского процессуального права, исследовать правообразующую силу судебного решения, определяемого законодателем в качестве юридического факта гражданского права. **Методологическая основа исследования:** общенаучный метод научного познания, отражающий связь доктрины и правоприменения; методы диалектики, анализа, синтеза, аналогии, функционального, междисциплинарного и системного подходов. **Результаты:** предлагаемая в статье система понятий, в основании которой находится судебное решение в его гражданско-правовом значении юридического факта материального права, позволяет утверждать, что связь таких понятий, как «судебное решение» и «юридический факт материального права», пребывает в большей мере умозрительном соотношении. Объяснить судебные решения в качестве основания возникновения гражданских правоотношений одним лишь уходом в теорию процессуального права, разделив все иски на декларативные и конститу-

interdisciplinary, and system approaches. Results: the article proposes a system of concepts with the court judgment in its civil law meaning of a jural fact of substantive law lying at the core. Based on this system, we can state that the relationship between such concepts as the 'court judgement' and the 'jural fact of substantive law' is to a greater extent speculative. It is not sufficient to explain a court judgement as the basis for the commencement of civil law relations only based on the theory of procedural law, which divides all claims into declarative and constitutive ones. We argue that the concept 'court judgement' in its substantive meaning has a dual civil law function: (1) in the meaning of its right-restorative function – as a result of the protection of a violated civil right, and (2) as one of the grounds for the establishment of civil rights and obligations resulting from a private person's initiative and the court authority. The right of the court to deliver right-establishing judgements that become one of the legal regulation elements within civil law, is an exception to the general civil law rule implying the discretionary method of regulation, according to which the parties determine their rights and obligations by mutual agreement. Following the analysis of the doctrinal views on the concept of the court judgement in its substantive meaning, which many authors consider to be the one not corresponding to its broader procedural meaning, we justify the position that there are no obvious grounds for diagnosing the alleged contradiction between substantive and procedural legislation in terms of the logical scope of the 'court judgement' concept. It is more important to see the real legal meaning of this concept in the civil law reality, which involves a combination of the substantive law significance of a court judgement for establishing civil rights and obligations and the public law essence of this act, which is manifested not in private actions of the interested persons themselves but in unilateral actions of the court as a public law subject. We also formulated some methodological positions that could serve as theoretical guidelines for further research into the problem of the court judgement as one of the jural facts of civil law.

Keywords: judicial act; jural fact of substantive law; constitutive judgement; right-establishing facts; civil rights and obligations

Введение

Вопрос об отнесении актов судебной власти к числу юридических фактов гражданского права и соответственно их гражданско-правовой значимости продолжает оставаться в разряде небесспорных. Он обсуждался и продолжает обсуждаться в цивилистической науке, при этом чаще с преобладанием процессуальных способов и методов его научного описания.

Обновление аспектов теоретического дискурса в отношении судебного решения как юридического факта гражданского права идет практически постоянно. Однако, за редким исключением, способы теоретической аргументации, сохраняя заданную им «полупроцессуальную традиционность», остаются мало согласованными с какой-либо методологически выверенной цивилистической концепцией. В связи с этим необходимо констатировать, что, несмотря на активное обсуждение, состояние научной разработки вопроса о судебных актах как актах, порождающих субъективные гражданские пра-

ва и обязанности, изменилось с течением времени незначительно.

Как и прежде, одни ученые, вслед за М. Г. Авдюковым, высказавшим в 1959 г. мнение о том, что «судебное решение никогда не выступает в качестве материально-правового юридического факта; оно всегда акт правосудия, защищающий права» [4, с. 25], вопреки действующей законодательной формулировке ГК РФ (подп. 3 п. ст. 8 ГК РФ) однозначно отрицают такую роль за судебным решением, не считая возможным отождествлять понятия «судебное решение» и «юридический факт материального права» [6; 37; 59]. Другие, будучи сосредоточенными на праввосстановительной функции судебного решения, также не признают судебное решение в качестве одного из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, не замечая при этом легальной конкретики, касающейся уточнения о том, что применительно к гражданско-правовому определению судебного решения как юридического факта речь идет лишь о решениях, устанавли-

вающие, – недостаточно. Аргументировано, что понятие «судебное решение» в его материально-правовом значении имеет двоякий гражданско-правовой функционал: 1) в значении его праввосстановительной функции как итог защиты нарушенного гражданского права и 2) как одно из оснований установления субъективных гражданских прав и обязанностей на основании инициативы частного лица и власти суда. Право суда постановлять правообразовательные судебные решения, которые в гражданско-правовом пространстве становятся одним из элементов правового регулирования, является исключением из общего гражданско-правового правила, основанного на диспозитивном методе регулирования, согласно которому стороны определяют свои права и обязанности взаимным соглашением. По итогам анализа существующих в доктрине взглядов на понятие судебного решения в его материально-правовом значении, которое многими авторами принимается как не соответствующее его более широкому процессуальному значению, автор обосновывает суждение о том, что явных оснований для констатации якобы имеющегося противоречия между материальным и процессуальным законодательством в части логического объема понятия «судебное решение» нет. Важнее видеть реальный правовой смысл этого понятия в гражданско-правовой действительности, который состоит в сочетании материально-правовой значимости судебного решения для установления субъективных гражданских прав и обязанностей, и публично-правовой сущности этого акта, которая проявляется не в частных действиях самих заинтересованных лиц, а в односторонних действиях суда как субъекта публичного права. Автором сформулированы также отдельные методологические позиции, способные служить теоретическими ориентирами для дальнейшего исследования проблемы судебного решения в качестве одного из юридических фактов гражданского права.

Ключевые слова: судебный акт; юридический факт материального права; конститутивное судебное решение; правообразующие факты; гражданские права и обязанности

Introduction

The question of identifying judiciary acts as jural facts and, consequently, the question of their significance in civil law continues to remain disputable. It has long been discussed in the science of civil law, and more often with the predominance of procedural methods of its scientific description.

The aspects of the theoretical discourse concerning the court judgement as a jural fact are constantly updated. However, with rare exceptions, the methods of theoretical argumentation, while maintaining the 'semi-procedural tradition', continue to remain in little agreement with any methodologically verified civil concept. It should be noted that, despite the active discussion, the status of scientific development of the concept of judicial acts as acts

that create civil rights and obligations has experienced only slight changes over time.

As far back as 1959 M. G. Avdyukov expressed an opinion that 'a court judgement is never a jural fact of substantive law; it is always an act of justice that protects rights' [4, p. 25]. Nowadays some scholars, following this position and contrary to the wording given in the Civil Code of the Russian Federation (subitem 3 of Article 8), unequivocally deny such a role of the court judgement, and do not consider it possible to equate the 'court judgement' concept with the 'jural act of substantive law' [6; 37; 59]. Others, being focused on the right-restorative function of the court judgement, also do not recognize it as one of the grounds for the occurrence of civil rights and obligations, while not noticing the clarification that, in relation to the civil law definition of the court judgement as a jural fact, only those judgements are meant that

вающих гражданские права и обязанности [24, с. 26]. По мнению третьих, «общие положения гражданского законодательства не в полном объеме отражают значение судебного решения в качестве юридического факта гражданского права» [18, с. 61], что дает основания считать, что «юридическим фактом является не само судебное решение, изменяющее содержание правоотношения, а действия субъектов данного правоотношения либо указания нормативных актов, что соответствует общей формулировке ст. 8 ГК РФ» [12; 36, с. 9].

В значительной степени разнятся и смысл научных комментариев, даваемых подпункту 3 пункта 1 статьи 8 ГК РФ. Часть авторов, каких большинство, принимают существующую редакцию нормы как данность [1; 7], другие утверждают, что судебные акты лишь подтверждают наличие прав и обязанностей у участников гражданского оборота [46, с. 46].

Относительной определенности удалось достигнуть, пожалуй, лишь в одном – в вопросе о том, что связь между судебным решением и вызываемым им правовым последствием материально-правового характера не носит причинно-следственного характера¹. Здесь цивилисты отталкиваются от достижений дореволюционной цивилистики, признававшей, что «эти факты и связанные с ними юридические последствия стоят не в отношении причинности друг к другу» [17, с. 634–644]. Этот взгляд является преобладающим и в современной теории права, обосновавшей вывод о том, что связь, «возникающая на основе норм права, признаваемых продуктом творческой деятельности человека, не может быть отнесена к причинным» [31, с. 8; 62, с. 301–302]. Хотя отдельные заблуждения на этот счет в современной литературе все-таки встречаются [57, с. 12].

Все иное, несмотря на многочисленные попытки исследовать судебное решение, устанавливающее субъективные гражданские права и обязанности, на предмет его гражданско-правовой значимости, не имеет сколько-нибудь устойчивой теоретической однозначности.

В стремлении теоретически сопоставить актуальные научные взгляды на роль судебного решения в гражданско-правовой действительности, проанализировать и обобщить накопив-

шийся в отраслевых юридических науках предметный теоретический материал по проблеме [9; 13; 26; 30; 53; 64; 66], представить имеющиеся научные взгляды на проблему в их консолидированном виде и увидеть, какие ответвления это учение обрело, развиваясь на фоне модернизированного частного права, автор обращается к заявленной теме статьи.

Судебное решение как юридический факт: краткий теоретический экскурс

Проблема гражданско-правовой значимости судебного решения находится в разряде более общей проблемы, связанной с влиянием юридических фактов на динамику субъективных гражданских прав и юридических обязанностей. Необходимо исходить из того, что это внутренняя, специальная проблема юриспруденции, которая не способна к разрешению за счет привлечения теоретических ресурсов философского знания с его трактовкой факта, понимаемого многозначно и употребляемого порой произвольно. Свою роль в отказе от философской составляющей в исследовании заявленной проблемы играет и «сложность взаимоотношений обыденного языка, языка философии, научного языка в процессе генезиса и функционирования этого понятия» [48, с. 6], основанного на понимании его как зафиксированной средствами научного познания модели того или иного явления.

Доктринальная идея о том, что судебные решения способны выступать юридическими фактами материального права, была провозглашена впервые применительно к иностранным судебным решениям в первой четверти XX в. [68]. В отечественной литературе этот взгляд начал обретать свое теоретическое обоснование с того момента, когда Д.М. Генкин причислил судебное решение к числу юридических фактов гражданского права, указав на судебное решение как юридический факт, порождающий материальное правоотношение с вытекающими из него субъективными правами и обязанностями» [19, с. 412].

Многими советскими процессуалистами (Н. Б. Зейдер, Н. А. Чечина, Д. М. Чечот, А. А. Добровольский, С. А. Иванова) идея была встречена весьма критично. На несостоятельность теоретических возражений, идущих от представителей процессуальной науки, указы-

establish civil rights and obligations [24, p. 26]. The third group of scholars are of the opinion that ‘the general provisions of civil law do not fully reflect the meaning of the court judgement as a jural fact of civil law’ [18, p. 61], this giving grounds to believe that ‘a jural fact is not merely a court judgement that changes the content of the legal relationship, but the actions of the participants in this relationship or a statutory reference, and this complies with the general wording of Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation’ [12; 36, p. 9].

To a large extent, the scientific comments given with regard to subitem 3 of Item 1 of Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF CC) also have different meaning. The majority of the authors take the existing version of the norm as granted [1; 7], others argue that judicial acts just confirm the existence of rights and obligations possessed by the civil turnover participants [46, p. 46].

In our opinion, a relative certainty has been achieved only in one aspect – when it comes to the non-causal relationship between a court judgement and its legal consequence of a substantive law nature¹. Here specialists in civil law proceed from the achievements of pre-revolutionary science of civil law which recognized that ‘these facts and the legal consequences associated with them are not in causal relation with each other’ [17, pp. 634–644]. This view is also predominant in the modern theory of law that validates the conclusion that a relationship ‘arising on the basis of legal rules recognized as the product of human creative activity cannot be classified as causal’ [32, p. 8; 62, pp. 01–302]. However, some misconceptions in this regard are still found in modern literature [57, p. 12].

All the other views do not demonstrate any stable theoretical unambiguity even though there have been numerous attempts to study the civil law significance of the court judgement that establishes civil rights and obligations.

In an effort to theoretically compare current scientific views on the role of the court judgement in the civil law reality, to analyze the theoretical

material on the problem accumulated in branch-specific legal sciences [9; 13; 26; 30; 53; 64; 66], to present the existing scientific views on the problem in a consolidated form, and to see the sidelines developed in this doctrine in the context of the modernized private law, we proceed to deal with the subject matter of the paper.

The Court Judgement as a Jural Fact: Brief Theoretical Excursion

The problem of the civil law significance of the court judgement lies within a more general problem related to the influence of jural facts onto the dynamics of civil rights and legal obligations. It is necessary to proceed from the fact that this is an internal special problem of jurisprudence, which cannot be solved through employing theoretical resources of philosophical knowledge with its interpretation of a fact which is understood ambiguously and sometimes used arbitrarily. One of the reasons why we reject the philosophical component in researching the stated problem is the ‘complexity of the relationships between the everyday language, the language of philosophy, and scientific language in the process of genesis and functioning of this concept’ [48, p. 6], which is based on understanding it as a model of a particular phenomenon, this model being captured by means of scientific knowledge.

The doctrinal idea that court judgements can act as jural facts of substantive law was first proclaimed in relation to foreign court judgements in the first quarter of the 20th century [68]. In the Russian literature, this view began to receive theoretical justification from the moment when D. M. Genkin included the court judgement among jural facts of civil law, while identifying the court judgement as a jural fact that engenders a substantive legal relationship with the rights and obligations resulting from it’ [19, p. 412].

Many Soviet specialists in procedural law (N. B. Zeider, N. A. Chechina, D. M. Chechot, A. A. Dobrovolsky, S. A. Ivanova) showed criticism about the idea. The inconsistency of theoretical objections coming from the representatives of the procedural law science was pointed out by

¹ Обзор научных взглядов на эту проблему содержится в [42].

¹ See a review of the scientific views on the problem in [42].

вал М.А. Гурвич, который обратился к теории преобразовательного иска, суть которой сводилась к существованию такого иска, которым должно быть внесено нечто новое в существующее между сторонами правоотношение, и к утверждению о том, что спорное правоотношение в результате такого решения в прежнем виде не сохраняется [23; 28]¹. Эта позиция автора была поддержана представителями цивилистической науки (С. С. Алексеев, О. А. Красавчиков, В. Г. Вердников) [14], став впоследствии по сути сквозной, проходящей через все советские и постсоветские гражданско-правовые исследования, обращенные к основаниям возникновения гражданских прав и обязанностей на основе судебного решения.

Наиболее заметными стали взгляды О. А. Красавчикова, от воззрений которого на этот счет принято вести отчет постановки и формулирования попыток разрешения проблемы соотношения судебного решения с иными юридическими фактами гражданского права. Автор впервые указал на судебные акты как вид правомерных юридических действий, обусловливающих движение гражданского правоотношения наряду с административными, гражданско-правовыми и семейно-правовыми актами [40, с. 135].

Учитывая достижения процессуально-правовой науки, О.А. Красавчиков предложил классифицировать юридические факты на правообразующие, правоизменяющие и прекращающие. По его мнению, правообразующие юридические факты – это факты, с которыми нормы права связывают возникновение конкретного права у определенного лица [40, с. 141].

Обретя заметную академическую значимость в советской цивилистике, этот труд ученого не утратил своего значения и в современной науке, неизменно отталкивающейся в своих суждениях от позиции ученого как исходной, находя в ней основополагающие теоретические максимы, позволяющие обосновать роль судебного решения в качестве одной из ступеней в развитии субъективного гражданского права»

¹ В современной литературе о преобразовательных решениях см.: *Загайнова С.К.* Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008.

[40, с. 121]. Как справедливо отмечено в работах наших современников, «благодаря этому труду была снята теоретическая спорность вопроса о том, может или нет судебное решение рассматриваться в качестве юридического факта материального права [50]².

Доктринальная идея о том, что роль судебного решения в гражданско-правовой действительности не ограничивается только его право-восстановительной функцией, а в случаях, определенных законом, оно также способно преобразовывать существующие у сторон права и обязанности, создавая новые, была легализована в нормах ГК РФ 1994 г. С появлением подпункта 3 пункта 1 статьи 8 ГК РФ фактологическая основа гражданско-правового регулирования была расширена за счет включения в нее судебного решения, установившего гражданские права и обязанности. С точки зрения юридической техники момент оказался новым, поскольку предыдущие акты гражданско-правовой кодификации прямо не предусматривали такого вида юридического факта, хотя и не исключали его существования.

Так, в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.³ существовала статья 3, аналогичная по наименованию существующей статье 8 ГК РФ «Основания возникновения гражданских прав и обязанностей». Перечень оснований, указанных в этой норме, как и в сегодняшней статье 8 ГК РФ, мог быть дополненным также и «иными действиями граждан и юридических лиц»⁴. Аналогичный законодательный шаг был сделан и в других актах кодификации: Жилищном кодексе РФ (ст. 10), Трудовом кодексе РФ (ст. 16), Земельном кодексе РФ (ст. 59) и др.

Несмотря на то что конститутивные решения нередкое явление также и в сфере семейно-

² Здесь же представлен наиболее полный анализ теоретических взглядов на проблему судебного решения как возможного юридического факта гражданского права, сложившихся в процессуальной доктрине до введения в текст ГК РФ подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 26, ст. 733.

⁴ Аналогичная норма, устанавливающая, что гражданско-правовые отношения возникают из оснований, предусмотренных законом, а также из действий граждан и организаций, которые, хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности (ч. 1 ст. 4), существовала и в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. // Сборник законов СССР. 1968. Т. 2.

M. A. Gurvich, who relied on the modificatory claim theory, the essence of which is reduced to the existence of a claim that is supposed to introduce something new into the existing legal relationship between the parties and to the statement that, following the judgement, the disputed legal relationship does not remain in its previous form [23; 28]². This position was supported by representatives of the civil law science (S. S. Alekseev, O. A. Krasavchikov, V. G. Verdnikov) [14], and later became essentially cross-cutting, penetrating all Soviet and post-Soviet civil law studies addressing the grounds for the commencement of civil rights and obligations on the basis of a court judgement.

The most noticeable was the position of O. A. Krasavchikov. His views on the issue are considered to be the starting point for the attempts to deal with the problem of the relationships between the court judgement and other jural facts of civil law. Krasavchikov was the first to identify judicial acts as a kind of lawful legal actions that determine the progression of a civil law relationship along with administrative, civil law, and family law acts [40, p. 135].

Taking into account the achievements of the procedural law science, Krasavchikov proposed classifying jural facts into right-establishing, right-modifying, and right-terminating. In his opinion, right-establishing jural facts are facts with which legal rules associate the commencement of a specific right with a particular person [40, p. 141].

Having acquired a significant academic significance in Soviet civil law, this work of the scholar has not lost its significance today; modern science invariably proceeds from the scholar's position as the initial one, finding within it the fundamental theoretical maxims that make it possible to justify the role of the court judgement as one of the phases in the development of a civil right' [40, p. 121]. As

² Concerning modificatory judgements in modern literature, see: *Zagaynova S. K.* Theoretical issues of characterizing judicial acts in civil and commercial procedures. *Problematic Issues of Civil and Commercial Procedures*. Ed. by L. F. Lesnitskaya, M. A. Rozhkova. Moscow: Statut Publ., 2008.

is fairly noted, 'owing to this work, it became possible to defuse the theoretical disputability of the question whether the court judgement can be considered a jural fact of substantive law' [50]³.

The RF CC of 1994 legalized the doctrinal idea that the role of a court judgement in the civil law reality is not reduced to its right-restorative function, and, in cases specified by law, it is also capable of transforming the existing rights and obligations of the parties by creating new ones. With the introduction of subitem 3 of Item 1 of Article 8 of the RF CC, the factual basis of civil law regulation was expanded by including a court judgement that establishes civil rights and obligations. From the technical point of view, this turned to be an innovation since the previous acts of civil law codification had not explicitly provided for this type of jural fact, though not excluding its existence.

'The Fundamental Principles of Civil Legislation of the USSR and the Union Republics' of 1991⁴ contained Article 3 named similarly to Article 8 of the current RF CC 'Grounds for the Arising of Civil Rights and Obligations'. The list of grounds listed in the former, in the same way as in the latter, could be extended through 'other actions of citizens and legal entities'⁵. A similar legislative step was taken in other codes: the Housing Code of the Russian Federation (Article 10), the Labor Code of the Russian Federation (Article 16), the Land Code of the Russian Federation (Article 59), etc.

It is noteworthy that, although constitutive judgements are also not uncommon in the sphere

³ Here is also provided the most complete analysis of the theoretical views on the problem of a court judgement as a possible jural fact of the civil law that were adopted in the procedural doctrine before the introduction of subitem 3 of Item 1 of Article 8 into the wording of the Civil Code of the Russian Federation.

⁴ *Official Gazette of the Supreme Soviet of the USSR*. 1991. No. 26. Art. 733.

⁵ A similar norm existed in the Fundamental Principles of the Legislation of the USSR and the Union Republics of 1961. It established that civil law relations arise from the grounds provided for by law and also from the actions of citizens and organizations, which, although not provided for by law, give rise to civil rights and obligations (Part 1 of Article 4) by virtue of the general fundamentals and essence of civil legislation. *Collection of Laws of the USSR*. 1968. Vol. 2.

правовой действительности (усыновление ребенка, установление опеки над личностью несовершеннолетнего ребенка, установление алиментных прав и обязанностей и т. д.), легального признания за судебным решением качества юридического факта в действующем семейном законодательстве пока нет. В результате судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей не попадает в сферу внимания авторов учебной литературы по семейному праву. Однако в научной литературе, несмотря на отсутствие в нормах СК РФ статьи с наименованием, аналогичным статье 8 ГК РФ, высказано мнение о том, что «по аналогии с гражданским законодательством судебное решение может и должно рассматриваться как одно из оснований возникновения, изменения и прекращения семейных правоотношений» [30].

Если обратиться к актам гражданско-правовой кодификации государств-членов СНГ, то практически во всех обнаруживается норма об основаниях возникновения гражданских прав и обязанностей, содержащая указание на «судебное решение, установившее гражданские права и обязанности» (ст. 7 Республики Беларусь, ст. 7 Республики Кыргызстан, ст. 7 Республики Казахстан, ст. 8 Республики Узбекистан, ст. 9 Республики Молдова, ст. 8 ГК Туркменистана и др.).

Некоторая единогласность и дословное тождество существующего законодательного решения о том, что судебный акт, установивший гражданские права и обязанности, является основанием для порождения материально-правовых последствий в национальном гражданском законодательстве и в гражданском законодательстве стран ближнего зарубежья, актуализируют вопрос о замысле законодателя. Попытки его доктринального распознавания весьма многочисленны, однако их результаты обычно сопровождаются либо излишней затеоретизированностью, либо повышенной критичностью с указанием на то, что существующие нормы закона «не содержат указания ни на субъектов, на которых будет распространяться правообразующее судебное решение, ни на порядок, в котором будут возникать гражданские права и обязанности, порождаемые судебным решением» [16, с. 47].

Как было отмечено выше, пусть не очевидно, но судебное решение и до принятия

действующего ГК РФ вполне могло выступать одним из оснований возникновения субъективных гражданских прав и обязанностей и на практике таковым и выступало. Как тогда, так и сейчас перечень существующих оснований возникновения гражданских прав и обязанностей представлял и продолжает представлять собой «открытую фактическую систему» [33, с. 444]. Тогда возникает резонный вопрос: к каким изменениям или уточнениям стремился гражданский законодатель, легализуя судебное решение в перечне оснований, указанных в статье 8 ГК РФ?

Вопрос не случаен. Еще в 1949 г. О. С. Иоффе указывал на то, что «важны не только понятие и не только классификация юридических фактов, на чем сосредоточена цивилистическая мысль, но и установление ценности появления того или иного юридического факта как такового» [31, с. 157–160].

Критично важно установить, таким образом, гражданско-правовую ценность судебного решения как основания возникновения гражданских прав и обязанностей в пространстве гражданского права.

В связи с этим отметим, что часть законодательств стран ближнего зарубежья не считают необходимым прямое указание на судебное решение как на одно из оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей. Так, в ГК Грузии¹ не существует нормы, которая именуется как основания возникновения гражданских прав и обязанностей. А в ГК Украины (п. 5 ст. 11) указано на решение суда как на одно из оснований возникновения, изменения, прекращения гражданских прав и обязанностей (если это установлено актами гражданского законодательства), однако без уточнения о том, что такое решение устанавливает гражданские права и обязанности².

Если вернуться к российскому законодательству, то можно предположить, что законодатель (а вслед за ним и законодатели части стран ближнего зарубежья) стремился отразить в действующем законодательстве доктриналь-

¹ Гражданский кодекс Грузии: принят 26 июня 1997 г. // Парламентские ведомости. 1997. № 31.

² Гражданский кодекс Украины: принят 16 янв. 2003 г. № 435-IV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418568&doc_id2=30418568#activate_doc=2&pos=17;-80&pos2=272;-98.

of family law (adoption of a child, establishment of guardianship of minors, establishment of alimony rights and obligations, etc.), in the current family legislation there is no legal recognition of the court judgement as a jural fact. Consequently, the court judgement as the ground for the commencement of family rights and obligations does not fall into the sphere of attention of specialists preparing educational materials on family law. However, although the Family Code of the Russian Federation does not contain an article having the same name as Article 8 of the RF CC, there is an opinion in scientific literature that ‘by analogy with civil law, a court judgement can and should be considered as one of the grounds for the commencement, change, and termination of family law relations’ [30].

If we take a look at civil codes of the CIS member states, in almost all the cases we will find a rule covering the grounds for the civil rights and obligations commencement that contains a reference to ‘a court judgement that established civil rights and obligations’ (Article 7 of the CC of the Republic of Belarus, Article 7 of the CC of the Republic of Kyrgyzstan, Article 7 of the CC of the Republic of Kazakhstan, Article 8 of the CC of the Republic of Uzbekistan, Article 9 of the CC of the Republic of Moldova, Article 8 of the CC of Turkmenistan, etc.).

Some unanimity and the literal equivalence of the existing legislative solution according to which a judicial act that has established civil rights and obligations gives grounds for substantive legal consequences in the national civil legislation and in the civil legislation of neighboring countries brings the question of the legislator’s intention to the fore. There have been made numerous attempts in the doctrine to recognize it, but the results of those are usually accompanied by either excessive theorizing or excessive criticism, together with a reference that the existing legal rules ‘do not contain any reference neither to persons to which the right-establishing court judgement will apply nor to the procedure for the civil rights and obligations engendered by the court judgement to commence’ [16, p. 47].

As noted above, even before the current RF CC was adopted, the court judgement, although not

apparently, could be one of the grounds for the commencement of civil rights and obligations, and in practice it was. Both then and now, the list of grounds for the commencement of civil rights and obligations was and continues to be an ‘open factual system’ [33, p. 444]. Hence, there arises a question as to what changes or clarifications the civil legislator sought when legalizing the court judgement in the list of grounds contained in Article 8 of the RF CC.

The question is not accidental. Back in 1949, O. S. Ioffe pointed out that ‘what is important is not only the concept and not only the classification of jural facts, which is actually the focus of civil studies, but also the establishment of the value of a particular legal fact occurrence’ [31, pp. 157–160].

Thus, it is critically important to establish the civil value of a court judgement as the basis for the commencement of rights and obligations in the civil law space.

In this regard, it is noteworthy that some of the legislations of the neighboring countries do not consider it necessary to give a direct reference to the court judgement as one of the grounds for the commencement, modification, and termination of civil rights and obligations. For example, the Civil Code of Georgia⁶ does not contain a norm that is referred to as the basis for the commencement of civil rights and obligations. The Civil Code of Ukraine (Item 5 of Article 11) mentions the court judgement as one of the grounds for the commencement, modification, termination of civil rights and obligations (in cases when this is established by acts of civil legislation) while not expressly specifying that such a judgement establishes civil rights and obligations⁷.

If we return to Russian legislation, we can assume that the legislator (and therewith the legislators of some neighboring countries) wanted to supplement the current legislation with the doctrinal

⁶ Civil Code of Georgia: adopted on June 26, 1997. *The Parliament Journal*. 1997. July 24. No. 31.

⁷ Civil Code of Ukraine: adopted on January 16, 2003 No. 435-IV. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418568&doc_id2=30418568#activate_doc=2&pos=17;-80&pos2=272;-98.

ные достижения по вопросу о видах исков и соответственно о видах судебных решений, которые, имея в процессуальной сфере собственную классификацию, далеко неоднозначно отражаются на гражданско-правовом регулировании. Однако грузинский законодатель избежал этого, по всей вероятности, ориентируясь в большей мере на европейское законодательство, где в общей части актов гражданско-правовой кодификации отсутствует норма, устанавливающая перечень возможных оснований возникновения гражданских прав и обязанностей.

Известно, что вслед за римскими представлениями о внешних обстоятельствах, способных влиять на развитие имущественных отношений юридически равных лиц, теория юридических фактов получила весьма масштабное развитие в германской цивилистической доктрине, традиционно уделявшей большое внимание исследованию правоотношений (К. Адомайт, Э. Бетти, Г. Дернбург, Р. Зом, Е. Кюне, К. Майорка, А. Манигк, Г. Пухта, А. Тон, Е. Цительман, Л. Эннекцерус и др.). Между тем в Общей части Гражданского уложения Германии¹ так и не появилось консолидированной нормы, которая бы упоминала о внешних обстоятельствах, влияющих на движение разных видов отношений. Как, например, утверждает Р. Книпер, «хотя юридический факт был высшим системным понятием частного права XIX в., он не нашел отражения в Германском гражданском уложении (BGB)... институт юридических фактов является не нужным для того, чтобы придавать юридическую обязательность отношениям между лицами» [34]. В этом смысле автор выразил согласие с мнением Б. Виндшайда, высказанным им еще в конце XIX в. о том, что «решающим является не выраженная в объяснении воля, для того чтобы обосновать, изменить или отменить обязывающее правоотношение, а воля закона, который наделил их правовой действенностью» [35].

Р. Книпер не единственный немецкий ученый, поставивший задачу устранить укоренившийся способ мышления относительно юридических фактов. Так, немецкий философ Эрнст

фон Гиппель утверждал, что вера в существование и возможность юридических фактов и сцепление между этими утверждаемыми фактами и правовым воздействием имело в виде своего последствия «постоянную недопустимую неразбериху между фактическими обстоятельствами и правовой оценкой фактических обстоятельств». По мнению автора, это способствует смешению «действительности и юридической оценке действительности» [69, S. 39]². Немецкий ученый В. Флуме утверждал, что отдельной категории юридических фактов, которая является посредником между чистыми фактами и правовыми нормами, не требуется [34; 58, с. 79]³.

Не опираются на какую-либо общую теорию юридических фактов французские наука и законодательство. Как указывал Жюллио де ла Морандьер, «каждое из обстоятельств, за которым наше право признает силу фактора, порождающего право, производящего его переход или прекращение его, определяется особыми правилами, причем наше право не исходит из какой бы то ни было общей теории юридических фактов» [27, с. 70].

Оппонентом взглядов Р. Книпера, указавшего на то, что исследование юридических фактов – это сегодня удел истории права, выступил А.Г. Диденко: «в силу принципиальных причин такой подход нереализуем в наших условиях» [25, с. 82]. Исследуя процесс наложения традиционной теории юридических фактов на современную правовую действительность, автор указал, что «такой подход представляет собой существенный элемент анализа. Юридические факты не всегда ясно описаны диспозицией правовой нормы. Порой они напрямую не увязываются с возникновением, изменением и прекращением конкретных прав и обязанностей, что заставляет прибегать к сложному толкованию наличия или отсутствия связи между ними, либо неясно, относятся ли они вообще к гражданскому праву» [25].

Не стоит отрицать тот очевидный факт, что в отечественной юриспруденции мыслительная деятельность юриста была и остается связанной

achievements concerning the types of claims and, accordingly, the types of court judgements which, having their own classification in the procedural sphere, influence the civil law regulation rather ambiguously. However, Georgian legislators avoided this, which was probably connected with their taking European legislation as a model to follow, where the general part of civil codification acts does not contain a norm establishing a list of possible grounds for the commencement of civil rights and obligations.

As is known, following the Roman ideas about external circumstances that can influence the development of property relations of legally equal persons, the theory of jural facts received a rather large-scale development in the German civil law doctrine, which traditionally paid great attention to the study of legal relations (K. Adomeit, E. Betti, H. Dernburg, R. Sohm, E. Kuhne, K. Majorca, A. Manigk, G. Puhta, A. Ton, E. Zitelman, L. Enneccerus, etc.). Meanwhile, the General Part of the German Civil Code⁸ never received a consolidated norm that would have mentioned external circumstances affecting the progression of different types of relations. For example, according to R. Knieper, ‘although the jural fact was a supreme systemic concept of private law of the 19th century, it was not reflected in the Germany Civil Code (BGB)... the institution of jural facts is not necessary for making relations between persons legally binding’ [34]. In this regard, the author agrees with the view of B. Windscheid presented at the end of the 19th century that the ‘decisive factor is not the will expressed in the explanation in order to justify, change or cancel a binding legal relationship, but the will of the law that gave them legal validity’ [35].

R. Knieper is not the only German scholar who set a task of eliminating the deeply-rooted way of thinking about jural facts. For example, German philosopher Ernst von Hippel insisted that

the belief in the existence and the possibility of jural facts and the link between these claimed facts and the legal impact had a consequence in the form of ‘a permanent unacceptable confusion between the actual circumstances and the legal assessment of the actual circumstances’. According to the author, this contributes to the confusion between ‘reality and the legal assessment of reality’ [69, p. 39]⁹. Another German scholar W. Flume stated that there was no need in a separate category of jural facts being an intermediary between pure facts and legal norms [34; 58, p. 79]¹⁰.

French science and legislation also do not rely on any general theory of jural facts. As Julliot de la Morandière pointed out, ‘each of the circumstances in relation to which our law recognizes the force of the factor that engenders a right, that produces the transfer or termination of a right, is determined by special rules, and our law does not proceed from any general theory of jural facts’ [27, p. 70].

A. G. Didenko, being an opponent of R. Knieper, who pointed out that today the study of jural facts is the area under study of the history of law, noted that ‘for fundamental reasons, this approach is unexecutable in our conditions’ [25, p. 82]. Examining the process of applying the traditional theory of jural facts to the modern legal reality, the author noted that ‘this approach is an essential element of analysis. Jural facts are not always clearly described by the disposition of a legal norm. Sometimes they are not directly linked to the commencement, change, and termination of specific rights and obligations, this necessitating complex interpretation of the presence/absence of a connection between them, as otherwise it is not clear whether they relate or not to civil law’ [25].

There is no use denying the obvious fact that in Russian jurisprudence, lawyers’ train of thought was and remains associated with the theory of jural

¹ Гражданское уложение Германии: ввод. закон к Гражданскому уложению / пер. с нем.; науч. ред. А. Л. Маковская и др. М.: Волтерс Клувер, 2004 (Серия «Германские и европейские законы»; Кн. 1. С. XVIII- XXIII).

² Цит. по: T. Reis Savignys Theorie der juristischen Tatsachen. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann GmbH, 2013. S. 2.

³ Цит. по: Книпер Р. Юридические факты: возникновение и упадок одного правового института в немецком праве. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565#pos=3.

⁸ German Civil Code: Introductory Act to the Civil Code. Transl. from German; ed. by A. L. Makovskaya et al. Moscow: Wolters Kluwer, 2004. (German and European Laws Series. Vol. 1. Pp. XVIII- XXIII).

⁹ Cit. ex: T. Reis. Savignys Theorie der juristischen Tatsachen. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 2013. P. 2.

¹⁰ Cit. ex: Knieper R. Jural Facts: Emergence and Decline of One Legal Institution in German Law. Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565#pos=3.

с теорией юридических фактов, как той теорией, которая «имеет глубокую общественную природу и представляют собой еще один выход права на практику, еще один канал связи права с социальной сферой» [47]. Теоретический алгоритм подобного выхода подробно описан в фундаментальных общеправовых исследованиях путем указания на то, что «роль юридического факта в движении правоотношения состоит в том, что он распространяет действие нормы на конкретные обстоятельства, служит своего рода связующим звеном между этими обстоятельствами и нормой; является конкретной формой реализации дозволения или запрета; определяет основание и момент возникновения и наступления правовых последствий; придает юридическое значение той или иной деятельности или поведению» [54, с. 138].

Будучи «генетически «обреченным» на многозначность своего понятия, отражения и закрепления в нормативных текстах [63], учение о юридических фактах, связанное с пониманием сущности всего права, видимо, в целях достижения собственной убедительности оказалось тесно связанным с метафорическим сопровождением, своего рода эмоциональным окрасом. Для обозначения роли юридических фактов в механизме правового регулирования они поименованы как «проводники правовой энергии» [43, с. 110], «подводные камни» [53, с. 5], «модуль» (в виде переходника), через который правопорядок легитимизирует различные социальные явления [67], «рычажок», приводящий нормы объективного права в движение [5, с. 56]. Во всем многообразии этих значений юридические факты призваны «вдыхать жизнь в правоотношение» [51, с. 29], через «постоянные возвратно-поступательные движения от права к факту» [10, с. 497].

Однако заметим, что обращение к метафорам не сделало тему юридических фактов более доступной для ее научного освоения, а ее концепция, как и прежде, содержит многие «подводные камни», что делает ее несколько более сложной, чем она может показаться в общепринятом «учебном» изложении [53, с. 5].

Наряду с многочисленными определениями юридических фактов как реальных жизненных обстоятельств доктрина стремится представить их также и в качестве «мыслимой доктринальной конструкции, которая показывает

связь между нормативной и функциональной составляющими правовой системы, определяя момент возникновения, изменения и прекращения гражданского (семейного, трудового) правоотношения [60]. Эта попытка заметно слабеет, когда возникает понимание того, что доктринальные подходы общей теории права к понятию и функционалу юридических фактов и отраслевых наук значительно разнятся.

Понимание того, что юридические факты в правовой действительности не существуют сами по себе и для себя и их надлежит рассматривать в неразрывной связи с другими правовыми понятиями и метакатегориями, в соотношении с которыми они себя проявляют (право, норма права, правоотношение), привносит в это учение заметные познавательные трудности и теоретические разногласия. Как указывает М. А. Рожкова, юридические факты – это не жизненные обстоятельства в их традиционной интерпретации, а всего лишь правовая модель обстоятельства, поскольку «возникновение юридических последствий возможно только при наличии «цепочки», состоящей из следующих «звеньев»: (1) закрепление в норме права правовой модели обстоятельства, с наступлением которого связываются определенные последствия; (2) наступление самого конкретного жизненного обстоятельства; (3) реализация нормы права, под действие которой подпадает это обстоятельство» [51, с. 5].

К ответу на вопрос о том, что дало законодательству, практике правореализации и правоприменения адресное указание на судебное решение в качестве юридического факта материального права, отраслевая доктрина подходит через анализ юридических последствий, вызываемых судебным решением в судьбе материального правоотношения как такого правоотношения, состояние спорности которого привело к его последующей динамике. Исследование этого вопроса долгое время ограничивалось процессуальной наукой, в недрах которой была актуализирована проблема движения гражданского правоотношения на основе судебных актов и откуда исходили соответствующие теоретические посылы. Эта традиция во многом актуальна и сегодня.

Как указывает А. А. Павлов в одном из новейших комментариев к подпункту 3 пункта 1 статьи 8 ГК РФ, «для правильного понимания

facts as a theory that ‘has a deep social nature and represents another reaching of practice by law, another channel of connection of law with the social sphere» [47]. The theoretical algorithm of such a reach is described in detail in fundamental general legal studies through pointing out that ‘the role of a jural fact in a legal relationship progression is as follows: it extends the effect of the norm to specific circumstances, serves as a kind of link between these circumstances and the norm; is a specific form of implementation of permission or prohibition; determines the ground and the moment of the legal consequences occurrence; attaches legal significance to a particular activity or behavior» [54, p. 138].

Being ‘genetically ‘destined’ to the ambiguity of its concept, its reflection and enshrinement in normative texts [63], the jural facts doctrine, associated with the understanding of the essence of the entire law, apparently, for the purpose of achieving its own persuasiveness, turned out to be closely connected with metaphorical accompaniment, a kind of emotional connotations. To designate the role of jural facts in the legal regulation mechanism, they are called ‘conductors of legal energy’ [43, p.110], ‘pitfalls’ [53, p. 5], a ‘module’ (an adapter) through which the rule of law legitimizes various social phenomena [67], a ‘lever’ that sets the norms of law in motion [5, p. 56]. All these various designations show jural facts as those intended to ‘breathe life into a legal relationship’ [51, p. 29] via ‘constant reciprocating movements from law to the fact’ [10, p. 497].

Let us note, however, that the reference to metaphors did not make the topic of jural facts more accessible for its scientific exploration, and the concept still contains many ‘pitfalls’ making it somewhat more complex than it may seem in the generally accepted ‘educational’ presentation [53, p. 5].

Along with the numerous definitions of jural facts as real-life circumstances, the doctrine also intends to present them as ‘an imaginable doctrinal construction that shows the relationship between the normative and functional components of the legal system, determining the moment of the com-

mencement, change and termination of civil (family, labor) legal relations [60]. This attempt is noticeably abandoned when there comes an understanding of the fact that doctrinal approaches of the general theory of law and branch-specific sciences to the concept and functions of jural facts are significantly different.

The understanding that jural facts in legal reality do not exist on their own and for themselves and thus must be examined in continuity with other legal concepts and meta categories in relation with which they manifest themselves (law, legal rule, legal relationship) causes noticeable cognitive difficulties and theoretical differences in this doctrine. As M. A. Rozhkova notes, jural facts are not life circumstances in their traditional interpretation, but only a legal model of a circumstance since ‘the occurrence of legal consequences is only possible in the presence of a ‘chain’ consisting of the following ‘links’: (1) the enshrinement in a legal rule of the legal model of the circumstance the occurrence of which is associated with certain consequences; (2) the occurrence of the specific life circumstance itself; (3) the implementation of the legal rule covering this circumstance’ [51, p. 5].

To answer the question of what the legislation, the law implementation and law enforcement practice received from a targeted presentation of the court judgement as a jural fact of substantive law, the doctrine provides an analysis of legal consequences caused by a court judgement in the fate of a substantive law relationship as a legal relationship containing a controversy that led to the subsequent progression of the relation. The study of this issue has long been confined within procedural science which crystallized the problem of the progression of civil law relations on the basis of judicial acts and which gave rise to the corresponding theoretical rationales. This tradition is largely relevant today.

As A. A. Pavlov notes in one of the latest comments to subitem 3 of Item 1 of Article 8 of the RF CC, ‘for a correct understanding of the

комментируемой нормы следует учитывать, что в процессуальной науке все судебные иски делятся на три вида: – иски о присуждении (исполнительные), которые направлены на присуждение к исполнению определенного гражданско-правового требования, ... иски о признании (установительные или декларативные), цель которых заключается в подтверждении судом по требованию управомоченного лица существования определенного материального правоотношения либо отдельных прав и обязанностей участвующих в деле лиц, ... иски о преобразовании (преобразовательные или конститутивные), которые направлены на создание, изменение и прекращение юридических отношений» [44, с. 511].

Доктринальная ценность этих суждений уходит в процессуальное объяснение предпосылок появления судебного решения конститутивного вида, оставаясь при этом отдаленной от его материально-правовой роли.

Наиболее близко к выяснению ценности роли судебного решения в материально-правовом смысле подошел В. А. Белов, однозначно указав на тот факт, что для цивилистов судебное решение стало «понятием одного рода со сделками (договорами) и корпоративными актами» [8, с. 288]. На наш взгляд, в этом суждении заключен значимый теоретический посыл, позволяющий погрузиться не столько в процессуальную аргументацию, сколько, с ее учетом, в аргументацию материальную.

Как отмечал М. Ю. Челышев, «среди юридических фактов, влекущих возникновение гражданских прав и обязанностей, следует выделить соответствующие основания как чисто гражданско-правовые (договор и др.), так и межотраслевого характера. Подобные основания относятся к области действия другой отрасли права, но порождают именно гражданские права и обязанности. В таком ключе их следует именовать «межотраслевыми» [61, с. 83]. Признание того факта, что судебное решение имеет межотраслевой статус в ряду юридических фактов гражданского права и это неизбежно сказывается на методологии его исследования для гражданско-правовых целей, позволяет вынести его научное описание в самостоятельный подраздел настоящей статьи.

Межотраслевая природа категории «судебное решение»

Изначальная данность того положения, что право процессуальное и право материальное суть самостоятельные правовые явления, выглядит очевидной, как и тот факт, что судебное решение с его гражданско-правовым функционалом имеет межотраслевой статус. Однако далее все становится не столь очевидным, поскольку возникает ряд междисциплинарных вопросов, разрешение которых представляет определенную сложность в общетеоретическом плане.

Одним из них является вопрос о происхождении судебного решения как акта публично-го права и его последующий эффект, которые не ограничиваются одной лишь защитной функцией в сфере частного права.

На междисциплинарную сущность судебного решения, выступающего одновременно юридическим фактом процессуального и материального права, не единожды указывалось в литературе. Еще до принятия действующего ГК РФ В. В. Ярков отмечал, что «юридические факты гражданского процессуального права могут быть чисто процессуального характера, функционируя только в рамках гражданского процессуального правоотношения, так и иметь дуалистический характер, вызывая правовые последствия в самых различных сферах юридической деятельности» [22, с. 199; 45; 59; 63; 65, с. 90]. С В. В. Ярковым соглашается С. Н. Хорунжий, указывая на то, что, базируясь на положениях общей теории права, «судебное решение пребывает “на стыке” гражданского и гражданско-процессуального права, что придает проблеме качество неисчерпаемости» [59, с. 40].

Научному описанию этого дуализма в современной доктрине уже посвящен ряд исследований [2, с. 64; 52]. Однако достаточной теоретической ясности в разграничении процессуальных и материально-правовых аспектов, относящихся к судебному решению, по-прежнему нет.

Вполне объяснимо и оправдано то положение, согласно которому основополагающие научные взгляды о судебном решении как продукте судебной деятельности берут свое начало в процессуальной теории. Как отмечает

commented norm, it should be taken into account that all lawsuits in procedural science are divided into three types: executive claims, which are aimed at ordering a certain civil demand to be executed, ... claims for recognition (establishing or declarative), having the purpose of confirming by the court at the request of an authorized person the existence of a certain substantial legal relationship or certain rights and obligations of the persons involved in the case, ... claims for transformation (modificatory or constitutive), aimed at creating, changing and terminating legal relations' [44, p. 511].

The doctrinal value of these opinion goes deep into the procedural explanation of the prerequisites for the introduction of the constitutive court judgement, while remaining far from the substantive role of the judgement.

An approach offered by V. A. Belov was the closest to clarifying the value of the court judgement in a substantial legal sense. The scholar expressly pointed out the fact that 'for specialists in civil law, the court judgement has become 'a concept of the same kind as deals (contracts) and corporate acts' [8, p. 288]. In our opinion, this view contains a significant theoretical message that allows one to employ not so much procedural as substantial argumentation with procedural argumentation taken into consideration.

As M. Yu. Chelyshev noted, 'among jural facts entailing the commencement of civil rights and obligations, it is necessary to distinguish the relevant grounds of both purely civil nature (contract, etc.) and inter-disciplinary nature. Such grounds belong to the scope of another branch of law, but they give rise to civil rights and obligations. Therefore, they should be called 'inter-disciplinary' [61, p. 83]. Recognition of the fact that a court judgement has an inter-disciplinary status among jural facts of civil law and this inevitably affects the methodology of researching it for civil law purposes, allows us to provide its scientific description in a separate subsection of this paper.

Inter-Disciplinary Nature of the 'Court Judgement' Category

It appears initially obvious that procedural law and substantive law are independent legal phenomena, and so does the fact that the court judgement with its civil law functions has an inter-disciplinary status. However, further consideration makes the situation less obvious as there arise a number of interdisciplinary issues that are rather difficult to solve in general theoretical terms.

One of them is the question of the origin of the court judgement as an act of public law and its subsequent effect, which is not limited to a protective function in the private law sphere.

The inter-disciplinary nature of the court judgement being a jural fact for both procedural and substantive law has been repeatedly emphasized in literature. Yet before the adoption of the current RF CC, V. V. Yarkov noted that 'jural facts of civil procedure law can be of a purely procedural nature, functioning only within civil procedure legal relations, but can also have a dualistic nature, causing legal consequences in various spheres of legal activity' [22, p. 199; 45; 59; 63; 65, p. 90]. S. N. Khorunzhiy agrees with V. V. Yarkov pointing out that the court judgement, while resting on the provisions of the general theory of law, is 'at the junction' of civil law and civil procedure law, this adding a feature of inexhaustibility to the problem' [59, p. 40].

A number of studies have been devoted to the scientific description of this dualism in modern doctrine [2, p. 64; 52]. However, there is still no sufficient theoretical clarity in distinguishing the procedural and substantive aspects of the court judgement.

The provision that the fundamental scientific views about the court judgement as a product of judicial activity originate from the procedural theory appears to be understandable and reasonable.

Л. Грос, оно представляет собой акт исполнения обязанности суда перед лицами, участвующими в деле? и одновременно является юридическим фактом, завершающим производство в суде первой инстанции, порождающим право обжалования... выступая в качестве акта применения норм материального права, решение суда является юридическим фактом в материальном праве [22, с. 199].

Из этого суждения следует значимый теоретический посыл, состоящий в том, что все процессуальные аспекты, относящиеся к судебному решению, – это неоспоримая данность для цивилистики, но цели гражданско-правовой науки все же простираются дальше процессуальной сферы и ею не ограничиваются, что обуславливает ряд принципиальных выводов.

Во-первых, несмотря на то что цивилистика видит судебное решение в его наличном юридическом существе, основанном на нормах процессуального права, содержание процедур его постановления и источники его нормативно-правовой регламентации для целей цивилистического исследования относятся к заданным и не могут быть переоценены для целей научного описания судебного решения как юридического факта материального права. А науке материально-правовой для этих целей достаточно восприятия существующего решения в качестве абстрактного юридического факта как того факта, который рассматривается в отрыве от правоприменительной деятельности органа правоприменения. Будучи поименованным в качестве юридического факта, судебное решение, постановленное от имени публично-правового образования, властно подтверждает наличие или отсутствие материального правоотношения, присуждает обязанное лицо к исполнению возложенной на него обязанности либо вторгается в правоотношение и преобразует его путем наделения лица не существовавшими у него ранее правами и обязанностями.

Во-вторых, для гражданского права понятие «судебное решение» – это понятие о таком юридическом факте, который становится объектом реальности в случае постановления законного и обоснованного акта, пока вышестоящей инстанцией не будет установлено иное. Вследствие действия законной силы этого акта, поименованной в литературе как «право-

вой фундамент для возникновения гражданских прав и обязанностей» [59], и будут происходить изменения в регулятивной материально-правовой сфере.

Речь идет о законной силе судебного акта (*res judicata*), придающей ему качество непоколебимости, устойчивости (бесповоротности), правовой определенности (ясности). Принцип бесповоротности судебного акта не означает невозможность его обжалования или оспаривания. Любые акты власти (исключая прямо предусмотренные законом) могут быть пересмотрены (изменены или отменены). Бесповоротность любых актов публичной власти подразумевает недопустимость их произвольной (инициативной) отмены или изменения самими органами и лицами, которыми эти акты приняты (постановлены). Принцип способности актов власти к обжалованию предполагает, что все они могут быть отменены или изменены в административном либо судебном порядке и исключительно по требованиям (искам) заинтересованных добросовестных частных лиц.

В-третьих, предписания, содержащиеся в судебном решении, адресованы субъектам частного права, что предreshает двоякую значимость судебного решения, признаваемого юридическим фактом материального права. С одной стороны, с помощью судебного решения как акта правоприменения иссякает конфликт в отношениях спорящих сторон, что важно для гражданского права, ориентированного на регулирование нормальных, ненарушенных отношений сторон. С другой стороны, вследствие правоприменения у сторон могут появиться не существовавшие ранее гражданские права и обязанности, которые установлены не их собственной волей, а односторонней волей судебной власти для целей снятия правовой неопределенности в гражданско-правовых возможностях конкретных лиц. Для этой цели в цивилистике выведен критерий результативности юридических фактов, согласно которому они способны быть правообразующими, правоизменяющими и правопрекращающими [8, с. 18].

В-четвертых, как было отмечено выше, к юридическим фактам материального права отнесены не все и не любые судебные решения. Вопрос о том, в каких случаях суду дано право постановлять такие решения, относится к во-

As L. Gros notes, the judgement is an act of the court's fulfilling the obligation to the persons participating in the case and at the same time is a jural fact that completes the proceedings in the court of first instance and engendering the right of appeal. Taking on the role of an act of application of the substantive law norms, the court judgement is a jural fact in substantive law [22, p. 199].

This view contains a significant theoretical message that all procedural aspects related to the court judgement are an indisputable givenness for civil law. However, the goals of the civil law science extend beyond the procedural sphere and are not limited to it. This brings a number of fundamental conclusions.

First, despite the fact that the science of civil law perceives the court judgement in its actual legal essence based on the norms of procedural law, the content of the procedures for delivering it and the sources of its normative legal regulation for the purposes of civil law research are predetermined and cannot be re-estimated for the purposes of scientific description of the court judgement as a jural fact of substantive law. As to the science of substantive law, for the same purposes, it would be sufficient for it to perceive the existing judgement as an abstract jural fact, as a fact that is considered separately from the law enforcement activities of a law enforcement body. Having been called a jural fact, a court judgement delivered on behalf of a public legal entity authoritatively confirms the existence or absence of a substantive legal relationship, orders the obligated person to perform the duties assigned to them, or invades the legal relationship and transforms it by giving the person rights and obligations that have not been vested in them before.

Second, for civil law, 'court judgement' is the concept of such a jural fact that becomes an object of reality in the case of a legitimate and justified act being delivered until a higher instance determines otherwise. Particularly due to the legal force of this act, referred to in literature as 'the legal foundation for the commencement of civil rights and obligations' [59, p. 136], there

will occur changes in the regulatory substantive legal sphere.

What is meant here is the legal force of a judicial act (*res judicata*) that gives it the characteristic of firmness, stability (irreversibility), legal certainty (clarity). The principle of irreversibility of a judicial act does not mean that it cannot be appealed against or challenged. Any acts of regulation (except those expressly provided for by law) may be reviewed (amended or repealed). The irreversibility of any acts of public authority implies the inadmissibility of their arbitrary (initiative) cancellation or modification by the bodies and persons who have enacted (issued) these acts. The principle of the appealability of acts of regulation implies that all of them can be cancelled or changed in an administrative or judicial procedure and only upon the requests (claims) of the interested bona fide individuals.

Third, the instructions contained in a court judgement are intended for persons of private law, and this conditions a dual significance of the court judgement recognized as a jural fact of substantive law. On the one hand, with a court judgement being an act of law enforcement, the conflict in the relations of the disputing parties is settled, and this is important for civil law, which is focused on the regulation of normal, undisturbed relations of the parties. On the other hand, as a result of law enforcement, the parties may acquire civil rights and obligations that they have not been vested with before and that were established not through the will of the parties but through the unilateral will of the judiciary for the purpose of removing the legal uncertainty in the civil law capabilities of specific persons. To this end, in the science of civil law was developed a special criterion to assess the effectiveness of jural facts. According to this criterion, there can be distinguished right-establishing, right-modifying and right-terminating jural facts [8, p. 18].

Fourth, as noted above, not every and any court judgement counts as a jural fact of substantive law. The question of particular cases where the court is entitled to deliver such judgements is a question relating to civil law. Hence, like other jural facts,

просам гражданско-правовой принадлежности. Отсюда, как и другие юридические факты, судебное решение может обусловить юридические последствия лишь при наличии соответствующей нормы права, в гипотезе которой содержится указание на этого рода факты.

В-пятых, определение судебного решения с позиций гражданского права дает основания квалифицировать его как публичный акт, совершаемый судом в виде одностороннего волевого действия, адресованного конкретным лицам, у которых в связи с его принятием возникают субъективные гражданские права и обязанности. В гражданско-правовой доктрине все юридические акты по степени формализации волеизъявления субъектов, их совершающих, разделены на акты публичные как те, совершение которых является обязательным, ограничено рамками компетенции и формализовано (стандартное волеизъявление), и те, при совершении которых волеизъявление проявлено свободно, что исключено при постановлении актов публичных [51, с. 52–53].

Таким образом, возникновение такого юридического факта, как судебное решение вне рамок регулятивных материальных правоотношений, не умаляет его значения в смысле наступающих гражданско-правовых последствий. Приведенные выше суждения отражают его гражданско-правовое значение, предопределенное предметом и методом гражданско-правового регулирования.

В этой связи трудно согласиться с М. А. Рожковой, указавшей на то, что теорией процессуального права не предусмотрена возможность создания судом каких бы то ни было правоотношений ... поскольку суд лишь признает права, но не создает их [51]. Нам более близко утверждение Е. А. Суханова, согласно которому судебный акт признается в качестве основания возникновения гражданско-правовых обязательств и не только обязательств. Так, решение суда об изъятии у частного собственника бесхозяйственно содержимых культурных ценностей порождает обязательство государства по их выкупу или продаже с публичных торгов (ст. 240 ГК РФ), а решение суда по поводу разногласий, возникших при заключении договора в обязательном порядке (ст. 445 ГК РФ), в соответствии со статьей 446 ГК РФ определяет условия такого договора, т. е. становится осно-

ванием возникновения соответствующего договорного обязательства [20, с. 19].

Этот спор по сути своей видится терминологическим и вполне способен быть разрешенным за счет доктринального толкования гражданско-правового термина «установление гражданских прав». Указанный термин имеет два значения: обозначая как закрепление прав и обязанностей, так и начало (момент) их возникновения. Другими словами, в первом случае речь идет о том, что судебное решение содержит указание на гражданские права и обязанности, которые при этом не обязательно должны впервые возникнуть в связи с принятым решением, во втором случае судебное решение выступает основанием вновь возникших прав и обязанностей [18, с. 58–59].

Рассуждая в междисциплинарном ключе о судебном решении как юридическом факте материального права, нельзя исключить вопрос об отличиях этого юридического факта от других материально-правовых фактов. Нам они видятся, как минимум, в двух моментах.

Во-первых, в отличие от сделок и договоров как наиболее распространенных оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, сущность судебного решения составляют действия не самих участников гражданского правоотношения, а органа правосудия как специально уполномоченного на то органа. Эта самая компетентностная специфика, о которой было сказано выше, была отмечена еще в дореволюционной цивилистике через указание на то, что «в публичных отношениях, которым свойственна подчиненность одного лица другому, равноправного волеизъявления быть не может, есть лишь обращение к органу публичной власти (просьба) и ее удовлетворение (акт публичной власти)» [39, с. 204–205], что сегодня дает основания именовать судебное решение «особым юридическим фактом гражданского права» [21, с. 381].

Во-вторых, их постановление влечет за собой два вида разноотраслевых последствий – процессуально-правовые и материально-правовые. Это межотраслевое сочетание давало и продолжает давать теоретические основания для распространенного утверждения о том, что в рамках гражданского права судебное решение, установившее (выявившее) гра-

a court judgement can cause legal consequences only upon the availability of a corresponding legal rule based on the hypothesis that specifies this type of facts.

Fifth, the definition of the court judgement as viewed from the positions of civil law gives grounds to qualify it as a public act performed by the court in the form of a unilateral act of will addressed to specific persons who acquire civil rights and obligations resulting from the delivery of the judgement. In the civil law doctrine, all legal acts, according to the degree of formalization of the will of the persons who perform them, are divided into public acts as those the performance of which is mandatory, is limited by the scope of competence and formalized (standard expression of will) and acts where the expression of will is freely manifested, which is inadmissible for public acts [51, pp. 52–53].

Thus, the occurrence of such a jural fact as a court judgement outside the framework of regulatory substantial legal relations does not detract from its significance with regard to resulting civil consequences. The above opinions reflect its civil law significance, predetermined by the subject and method of civil law regulation.

In this regard, it is difficult to agree with M. A. Rozhkova who pointed out that the procedural law theory does not provide the possibility of any legal relations being created by the court ... since the court only recognizes rights but does not create them [51]. We would rather support the view of E. A. Sukhanov that a judicial act is recognized as the basis for the commencement of civil obligations and not just them. For example, a court judgement on the seizure of mismanaged cultural objects from a private owner creates an obligation of the state to buy them or sell them at a public auction (Article 240 of the RF CC), and a court judgement on the disagreements that arose during the conclusion of a mandatory contract (Article 445 of the RF CC) determines the terms of such a contract in accordance with Article 446 of the RF CC, i. e.

becomes the basis for the commencement of the corresponding contractual obligation [20, p. 19].

This dispute is essentially seen as terminological and can be resolved through a doctrinal interpretation of the civil law term ‘establishment of civil rights’. This term has two meanings: it denotes both enshrinement of rights and obligations and the commencement (moment) of their occurrence. In other words, what is meant in the former case is that the court judgement contains an reference to civil rights and obligations which do not necessarily have to occur for the first time in connection with the delivered judgement; in the latter case, the court judgement serves as the basis for new rights and obligations [18, pp. 58–59].

Discussing the court judgement as a jural fact of substantive law from the inter-disciplinary perspective, it is impossible to avoid the question of the differences between this jural fact and other substantive law facts. We see them in at least two aspects.

First, unlike transactions and contracts, being the most common grounds for the commencement of civil rights and obligations, the essence of the court judgement is the actions performed not by the participants in civil law relationships themselves but by a judicial body as the body specially authorized for that. This very competence specificity, mentioned above, was noted as early as in the pre-revolutionary science of civil law through the indication that ‘in public relations, which are characterized by the subordinacy of one person to another, there can be no equal expression of will, there is only an appeal to a public authority (request) and its satisfaction (act of public authority)’ [39, pp. 204–205], this giving grounds today to call the court judgement ‘a special jural fact of civil law’ [21, p. 381].

Second, their delivery entails two types of consequences – procedural law consequences and substantive law consequences. This cross-branch combination gave and continues to give theoretical grounds for the widely shared opinion that in the framework of civil law, a court judgement that established (revealed) civil rights is not a jural fact or the result of a set of jural facts but is their form in

жданские права, представляет собой не юридический факт или результат юридического состава, а их судопроизводственную форму, поскольку не порождает новых гражданских прав, а лишь обнаруживает имеющиеся [67]. Согласиться с этим суждением как бесспорным вряд ли возможно, поскольку, как представляется, эта судопроизводственная форма для гражданско-правовых рассуждений выполняет лишь роль предпосылки к тому, чтобы в гражданско-правовом пространстве рассматривать судебное решение в качестве одного из элементов механизма гражданско-правового регулирования.

Как это нередко случается, межотраслевые приемы исследования иногда позволяют обнаружить своеобразный «вакуум», не являющийся традиционным объектом исследования ни одной из дисциплин. Одним из таких является вопрос о том, с какого момента материальное правоотношение изменилось или прекратилось, ведь «ситуации, когда гражданские права и обязанности возникают с момента вступления решения в законную силу, немногочисленны» [22, с. 200, 201].

Как показывает анализ практики в отдельных случаях применительно к материально-правовым последствиям судебного решения конститутивного типа обнаруживается законодательная неясность, на которую обратили внимание лишь немногие авторы. Так, Д. Б. Абушенко вполне правомерно задается вопросом: «что делать истцу при удовлетворении его требования судом? Исходить из того, что материальное правоотношение уже возникло (изменилось, прекратилось), или же обращаться к ответчику с требованием подписать определенные документы и при уклонении последнего использовать процедуры принудительного исполнения судебных актов?» [2, с. 64, 83]. Вопрос на самом деле далеко не второстепенный. Ответ на него означает появление определенности в том, с какого времени вступившее в законную силу судебное решение обретает качества юридического факта для гражданского права.

Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на примере норм обязательственного права, где судебное решение в качестве оснований возникновения обязательств обыч-

но не упоминается. И доктрина, и законодатель обходятся общеизвестным перечнем оснований, в числе которых указываются договоры, односторонние сделки, причинение вреда, факт неосновательного обогащения. Отчасти это предопределено пунктом 2 статьи 307 ГК РФ, в которой судебное решение в качестве оснований возникновения обязательств не упоминается и его возможность стать источником обязательства сведена к отсылке к «иным основаниям, указанным в настоящем кодексе», т. е. к статье 8 ГК РФ. Существование этой отсылки – результат несостоявшейся реализации идеи, закрепленной в пункте 1.1 главы V Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации «о необходимости расширить перечень оснований возникновения обязательств и придать ему, по возможности, исчерпывающий характер» [38, с. 105]. При этом дополнительно отметим, что нет никаких оснований для предположения о том, что в случае прямого указания в статье 307 ГК РФ на судебное решение как источник возникновения обязательств была бы достигнута ясность в вопросе о том, является ли оно самостоятельным основанием или всего лишь входит в качестве составной части в сложный фактический состав.

Постановка подобных вопросов в теории процессуального права при наличии в нормах права материального указания на то, что судебное решение, установившее права и обязанности лиц, причислено к юридическим фактам материального права, свидетельствует о том, что только факт включения в текст ГК РФ пункта 1 подпункта 3 статьи 8 указания на судебное решение является недостаточным. Как минимум, гипотезы соответствующих норм ГК РФ и других актов кодификации, указавших на судебное решение как основание возникновения гражданских прав и обязанностей, должны иметь оговорку о моменте возникновения соответствующих прав и обязанностей, возникших на основании судебного решения. Здесь мы исходим из того, что правовые последствия наступают не сами по себе, при наличии одних только фрагментов действительности, а «опосредуются специальной, субъективной, юридически целенаправленной деятельностью акторов права» [67].

the court proceedings since it does not create new civil rights, but only reveals the existing ones [67]. It is hardly possible to agree with this statement as indisputable since, as it seems, for the civil law reasoning, this court proceedings form is just a prerequisite for considering a court judgement as one of the elements of the civil-law regulation mechanism.

As often happens, inter-disciplinary research techniques sometimes reveal a kind of ‘vacuum’, which does not constitute not a traditional subject of research in any of the disciplines. One of these is the question of when a substantive law relationship changed or terminated since ‘situations where civil rights and obligations arise from the moment the judgement takes legal effect are few in number’ [22, pp. 200, 201].

As the analysis of practice shows, in some cases, we can find a legislative ambiguity in relation to the substantive consequences of a constitutive court judgement; and only a few authors have paid attention to that. For example, D. B. Abushenko is quite right to ask the following questions: ‘What should the plaintiff do when their claim is satisfied by the court? Shall they proceed from the fact that the substantial relationship has already arisen (changed, terminated), or shall they apply to the defendant with a demand to sign certain documents and, if the defendant evades, use the procedures for the forcible execution of judicial acts?’ [2, pp. 64, 83]. The question can hardly be considered a low-priority one. Giving an answer to it means bringing certainty in understanding the moment from which a court judgement that has taken legal effect acquires the qualities of a jural fact for civil law.

This can be most clearly demonstrated by the example of the norms of the law of obligations, where a court judgement is usually not mentioned as the basis for the occurrence of obligations. Both the doctrine and the legislator rely on the well-

known list of grounds, including contracts, unilateral deals, causing of harm, and the fact of unreasonable gains. This is partly prescribed by Item 2 of Article 307 of the RF CC where a court judgement is not mentioned as the basis for the commencement of rights of obligation, and its capability of becoming a source of obligation is reduced to a reference to ‘other grounds specified in this Code’, that is, to Article 8 of the RF CC. The existence of this reference is the result of the failure to implement the idea enshrined in Item 1.1 of Chapter V of the Concept of the Civil Legislation Development in the Russian Federation ‘concerning the need to expand the list of grounds for the occurrence of obligations and make it exhaustive to the extent possible’ [38, p. 105]. In addition, we note that there is no reason to assume that in case Article 307 of the RF CC directly indicates the court judgement as a source of obligations, it would be clear whether it is a self-sufficient basis or just part of a complex set of facts.

The raising of such questions in the procedural law theory (in the presence of legal rules that contain an explicit substantive reference to the fact that a court judgement establishing the rights and obligations of persons is included among legal facts of substantive law) demonstrates that the fact of including a reference to the court judgement into the wording of subitem 1 of Item 3 of Article 8 of the RF CC is insufficient. At a minimum, the hypotheses of the relevant norms of the RF CC and other codes that refer to the court judgement as the ground for the emergence of civil rights and obligations should specify the moment when the corresponding rights and obligations arise on the basis of the court judgement. Here we proceed from the assumption that legal consequences do not occur by themselves, in the presence of just some fragments of reality, but ‘are mediated by special, subjective, legally purposeful activities of the actors in law’ [67].

Проблема легальных формулировок при определении судебного решения как юридического факта в гражданском праве

Исследуемый нами юридический факт материального права поименован в подпункте 3 пункта 1 статьи 8 ГК РФ как судебное решение, устанавливающее гражданские права и обязанности. Доктринальных нареканий относительно данной гражданско-правовой формулировки в науке высказано немало. Главным пунктом противоречия стало указание в норме на судебное решение, а не на процессуальное понятие «судебный акт» или их конкретные разновидности.

Как считает М. А. Рожкова, в понимании правовой природы некоторых юридических фактов, поименованных в статье 8 ГК РФ, присутствует некоторое напряжение, которое возможно снизить за счет их переименования. Так, именуя судебное решение судебным актом-документом, принимаемым управомоченным государственным органом в установленном для этого процессуальном порядке и соответствующим ряду формальных требований [50], автор считает, что «под термином “судебное решение” целесообразно понимать действие суда по вынесению правоприменительного акта (судебного решения по существу дела)» [50, с. 61], а не просто «решение суда, установившего гражданские права и обязанности». Более категоричен В. А. Белов, полагающий, что «ни одна из точек зрения по обсуждаемой проблеме не принимает во внимание иных (не относящихся к категории решений) судебных актов – определений и постановлений вышестоящих судебных инстанций по гражданским делам искового производства (которые, между прочим, могут иметь довольно разнообразное содержание), судебных актов по гражданским делам особого (неискового) производства, судебных актов по делам, вытекающим из административноправовых отношений, а также актов уголовного суда» [8, с. 325].

Нельзя исключить того, что в самом первом приближении выбранный законодателем термин выглядит как не в полной мере согласованный с процессуальным законодательством, оперирующим гораздо большим числом понятий, которые отражают факт разрешения дела по существу. Как указывает С. К. Загайнова,

«правосудие в действительности проявляется не только через судебное решение, но и через приказы, определения о признании и приведении в исполнение окончательных резолюций иностранных судебных учреждений, а также в связи с выдачей исполнительных листов в целях принудительной реализации решений третейских судов» [28, с. 117]. Отсюда берут свое начало предложения о том, что «наиболее удачным термином, выполняющим функцию связующего для всех видов судебных решений, будет термин “судебный акт” [11, с. 6], или о замене слова «решение» на слово «акт», так как, «кроме судебных решений, есть еще постановления и определения суда, которые также могут являться основанием возникновения юридических фактов» [49].

В целях снятия упомянутых противоречий термин «судебное решение», употребленный законодателем в статье 8 ГК РФ, предлагается понимать как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле «судебное решение» – это решение, которым дело разрешается по существу, в широком понимании – это акты судопроизводства, а в ряде случаев и документы судебного делопроизводства (извещения, уведомления, сообщения, повестки и др.) [18, с. 57].

Оппонентов у этих взглядов, выражающих несогласие с существующей законодательной терминологией, немного, но они есть. Так, по мнению В. А. Власенко, «речь идет об универсальном понятии именно для системы гражданско-правового регулирования, не связанном с конкретной формой и видом судебных актов [15, с. 13]. Не считает критичным употребление в подпункте 3 статьи 8 ГК РФ термина «судебное решение» и А. А. Павлов, констатируя то положение, что под судебным решением в комментируемой статье имеются в виду судебные акты любых судов (судов общей юрисдикции, арбитражных и третейских судов), принятые ими при разрешении конкретных дел. К числу таких актов относятся не только собственно решения, но и определения и постановления различных судебных инстанций, при условии, что законная сила таких актов признана на территории Российской Федерации [44, с. 511].

Как представляется, терминологической несогласованности с процессуальным законодательством в данном случае не произошло, несмотря на то что на первый взгляд она ка-

The Problem of Legal Wording in Defining the Court Judgement as a Jural Fact of Civil Law

Subitem 3 of Item 1 of Article 8 of the RF CC names the jural fact of substantive law we are studying a court judgement establishing civil rights and obligations. There are a lot of doctrinal complaints in science about this civil law wording. The main contradiction is that the norm refers to a court judgement but not to the procedural concept of 'judicial act' or their specific varieties.

According to M. A. Rozhkova, there is some tension in understanding the legal nature of some jural facts named in Article 8 of the RF CC, which can be reduced by renaming them. For example, while designating a court judgement as a judicial act-document adopted by an authorized state body in accordance with the procedure established for this purpose and corresponding to a number of formal requirements [50], the author believes that 'term 'court judgement' should be understood as an action of the court on the issuance of a law enforcement act (a court judgement on the merits of the case)' [50, p. 61], and not just 'a judgement of the court that established civil rights and obligations'. V. A. Belov is more judgemental with his opinion that 'none of the points of view on the issue under discussion takes into account other judicial acts (not related to the category of judgements) – rulings and resolutions of higher judicial instances in civil cases of claim procedure (which can be rather diverse in content), judicial acts in civil cases of special (non-claim) procedure, judicial acts in cases resulting from administrative legal relations, as well as acts of the criminal court [8, p. 325].

It is not inconceivable that in the very first approximation, the term chosen by the legislator looks like not being fully consistent with the procedural legislation, which employs a much larger number of concepts that reflect the fact of the case being solved on the merits. As S. K. Zagaynova points out, 'justice is actually manifested not only through a court judgement but also through orders,

rulings on the recognition and enforcement of final resolutions of foreign judicial institutions, as well as in relation with the issuance of execution writs for the purpose of forcible execution of the arbitration court judgements' [28, p. 117]. This is from where originate the proposals that 'the most appropriate term that serves as a link for all types of court judgements would be the term 'judicial act' [11, p. 6], i.e. the proposals to replace the word 'judgement' with the word 'act', since in addition to court judgements, there are also court rulings and resolutions that can also be the basis for the emergence of jural facts' [49].

In order to resolve these contradictions, the term 'court judgement' used by the legislator in Article 8 of the RF CC is proposed to be understood both in a narrow and in a broad sense. In the narrow sense, a 'court judgement' is a judgement that solves the case on its merits; in the broad sense, it is an act of judicial proceedings, and in some cases – also documents of judicial record-keeping (notifications, notices, messages, summonses, etc.) [18, p. 57].

There are not many opponents of these views who express disagreement with the existing legislative terminology, but they do exist. For example, according to V. A. Vlasenko, 'this is about a universal concept particularly for the system of the civil law regulation, not related to a specific form and type of judicial acts' [15, p. 13]. A. A. Pavlov does not consider it critical that the term 'court judgement' is used in subitem 3 of Article 8 of the RF CC, explaining that this article refers to the court judgement as judicial acts of any courts (courts of general jurisdiction, commercial, and arbitration courts) issued by them when solving specific cases. Such acts include not only judgements themselves, but also rulings and resolutions of various judicial instances, provided that the legal effect of such acts is recognized in the territory of the Russian Federation [44, p. 511].

Seemingly, there is no terminological inconsistency with the procedural legislation in this case despite the fact that at the first glance it appears to

жется очевидной. Да, согласно пункту 1 статьи 13 ГПК РФ суды принимают судебные постановления в форме судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции. Во всех этих случаях речь идет о судебных актах, которые принимаются при рассмотрении дела по существу. В статье 329 ГПК РФ предусмотрена возможность вынесения апелляционных определений, а в статье 386 ГПК РФ – постановлений и определений в суде кассационной инстанции. Ими могут быть отменены или изменены полностью или в части постановления суда первой инстанции, а потому они также имеют гражданско-правовое значение. Весьма разнообразно в части наименования судебных актов выглядят и формулировки АПК РФ. Согласно статье 15, арбитражный суд принимает судебные акты в форме: решения как судебного акта, принятого арбитражным судом первой инстанции при рассмотрении дела по существу; постановления, принимаемого арбитражными судами апелляционной инстанции и судами кассационной инстанции по результатам рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб; определения, выносимого Верховным Судом Российской Федерации.

Опираясь на вышеприведенные нормы, можно утверждать, что термин «судебное решение» с процессуальной точки зрения используется в качестве узкопредметного, обозначая судебный акт, постановленный судом первой инстанции при завершении судебного разбирательства разрешением дела по существу. Между тем достаточно много и таких случаев, когда понятие «судебное решение» используется в качестве родового, объединяя разные акты правоприменения.

Однако ведущим аргументом в пользу использования термина «судебное решение», приведенного в подпункте 3 статьи 8 ГК РФ, на наш взгляд, все же является то обстоятельство, что обобщенный смысл упомянутого термина указывает на суть этого основания возникновения гражданских прав и обязанностей, которая состоит, как указывалось выше, не в частных действиях самого лица, в отношении которого они устанавливаются и как это по общему правилу принято в сфере гражданско-правового регулирования, а в действиях субъектов публичного права.

Представляется, что именно отсюда берет начало заданная понятию «судебное решение» схематичность, сообщающая о его обобщенности с опорой на существующий процессуальный контекст, предписывающий соответствующий алгоритм интерпретации этого юридического основания, способного в силу прямого указания закона порождать субъективные гражданские права и обязанности на основании судебного волеизъявления, а не волеизъявления частных лиц.

Основные методологические подходы к цивилистическим исследованиям, посвященным судебному решению как юридическому факту

Однозначно утверждать, что тематика судебного решения как юридического факта гражданского права исследуется в абсолютном методологическом вакууме, нельзя. В доктрине уже заявлена часть исследований, рассматривающих проблему в методологическом профиле [8; 36, с. 16; 55; 56]. Благодаря им появилась возможность различить два подхода к исследованию проблемы.

Представители первого связывают признание судебного решения с фактом гарантированной законом судебной формы защиты нарушенных гражданских прав, ограничиваясь при этом простой констатацией того, что судебное решение – это самостоятельный вид юридического факта в гражданском праве. Эти исследователи избегают формулирования особых теоретических задач, ограничиваясь утверждением о том, что судебные решения состоят в линейке оснований для возникновения юридических прав и обязанностей.

Приверженцы второго подхода, будучи знакомыми с теоретическими аргументами, связывают свою задачу с уходом доктринальной мысли в поиск методологических замечаний, стоящих в одном ряду с уже допущенными при исследовании заявленной проблемы.

К числу последних принадлежат научные суждения В. А. Белова, вычленившего ряд методологических упущений (всего восемь). Одно из них он видит в том, что все классические позиции отправляются в своих построениях от понятия *положительного* (удовлетворяющего иск) судебного решения и *не принимают во внимание отрицательные или отказные реше-*

be obvious. It is true that according to Item 1 of Article 13 of the RF CC, the courts adopt resolutions in the form of court orders, court judgements, court rulings, decisions of the presidium of the supervisory instance courts. In all these cases, we are speaking about judicial acts that are adopted when considering a case on the merits. According to Article 329 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, it is possible to make appellate rulings, and Article 386 of the Civil Procedure Code provides for the possibility to make resolutions and rulings in the court of cassation. They can be cancelled or changed in full or in part by the decision of the court of first instance, and therefore they also have civil law significance. The wordings of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation with regard to the naming of judicial acts also seem very diverse. According to Article 15, the commercial court accepts judicial acts in the form of a judgement as a judicial act adopted by the commercial court of first instance when considering a case on the merits; a resolution issued by commercial courts of the appellate instance and by courts of cassation on the results of consideration of appeals and cassation complaints; a ruling issued by the Supreme Court of the Russian Federation.

Based on the above norms, we can conclude that from a procedural point of view, the term ‘court judgement’ is used as a narrow-subject term denoting a judicial act delivered at the end of the trial by the court of first instance at solving a case on the merits. Meanwhile, there are quite a lot of cases where the term ‘court judgement’ is used as a generic one, comprising different acts of law enforcement.

However, the main argument in favor of using the term ‘court judgement’ given in subitem 3 of Article 8 of the RF CC, in our opinion, is the fact that the generalized meaning of the term indicates the essence of this basis for the emergence of civil rights and obligations which, as indicated above, does not consist in the individual actions of the person in respect of whom they are established and as is generally accepted in the civil law regulation sphere, but in the actions of persons at public law.

Seemingly, this is where the established schematism of the ‘court judgement’ concept originates from. This schematism indicates the general nature of the concept based on the existing procedural context that prescribes an appropriate algorithm of interpreting this legal basis, which is, by virtue of express reference by the law, is capable of creating civil rights and obligations based on the will of court but not the will of individuals.

Main Methodological Approaches to Civil Studies of the Court Judgement as a Jural Fact

It would be an exaggeration to say that the subject of the court judgement as a jural fact of civil law is studied in an absolute methodological vacuum. There are available some studies that consider the problem from the methodological perspective [8; 36, p. 16; 55; 56]. Relying on them, it became possible to distinguish between two approaches to researching the problem.

The supporters of the first approach associate the recognition of a court judgement with the fact of a legally guaranteed judicial form of protection of violated civil rights, while limiting themselves to a simple statement that the court judgement is a separate type of a jural fact in civil law. These researchers avoid formulating specific theoretical problems, limiting themselves to the statement that court judgements do belong to the group of grounds for the emergence of legal rights and obligations.

The supporters of the second approach, being familiar with theoretical arguments, set themselves a task of shifting the doctrinal thought to the search for methodological observations of the same kind as those already made in the study of the stated problem.

Among the supporters of the latter approach is V. A. Belov, who has identified a number of methodological omissions (eight in total). One of them is the fact that all classical positions proceed in their constructions from the concept of a *positive* (satisfying the claim) court judgement and do not take into account *negative* or *unfavorable*

ния, т.е. решения, признающие правильность возражений ответчика и несостоятельность требований истца [8, с. 325]. В этом же ряду замечание автора о том, что ни одна из имеющихся концепций не упоминает об ошибочных судебных решениях, «подтверждающих» существование на самом деле несуществующих прав и обязанностей [8]. При этом нам подобная процессуальная градация для целей гражданско-правового исследования судебного решения как юридического факта представляется излишней, так как в основе законодательной идеи, реализованной в подпункте 3 пункта 1 статьи 8 ГК РФ, лежит презумпция того, что речь идет о гражданско-правовых последствиях законного и обоснованного судебного решения.

Напротив, значимыми для целей настоящего исследования нам видятся следующие методологические позиции.

Как минимум, две из них явно следуют из текста закона. Первая связана с наименованием самой статьи 8 ГК РФ «Основания возникновения гражданских прав и обязанностей», что указывает не столько на защитную функцию судебного решения, сколько на его юридико-фактическую функцию, связанную с порождением гражданско-правовых последствий в виде установления для участников спорного правоотношения не существовавших у них ранее гражданских прав и обязанностей.

Вторая связана с дословной формулировкой подпункта 3 пункта 1 статьи 8 ГК РФ, из которой следует, что под основания возникновения гражданских прав и обязанностей подпадают лишь те судебные решения, которыми они установлены. Это означает, что в качестве юридических фактов законодатель рассматривает лишь те, которые направлены на достижение определенного гражданско-правового результата, не включая в перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей те случаи, когда «судебное решение “исполняет закон”, устанавливая действительное существование и значение спорного правоотношения» [41, с. 12, 13]. Итогом такого исполнения закона с вмешательством судебной власти является трансформация существующего правоотношения. Это тот случай, когда суд реализует свою защитную функцию на основе преобразовательного иска. В связи с этим в литературе предложено выделять прямой и двойственный

материально-правовой эффект судебного акта, постановляемого по таким искам [3, с. 20].

Взгляды на судебное решение как юридический факт материального права разделились в зависимости от того, учитывают ли сторонники такого признания допроцессуальную и послепроцессуальную (исполнительную) стадии в существовании тех субъективных гражданских прав и обязанностей, которые присуждены лицу судом вследствие постановления решения конститутивного вида. В связи с этим разнятся и подходы к доктринальной оценке судебного решения как юридического факта гражданского права. Одни ученые не осложняют дискуссию уходом в проблему о том, является оно самостоятельным юридическим фактом материального права или лишь частью сложного юридического состава. Другие настаивают на его несамостоятельности, видя в судебном решении лишь промежуточный факт, влекущий возникновение субъективных гражданских прав и обязанностей [9, с. 325; 22, с. 200; 59]. Третьи полагают, что правообразующий эффект судебного решения для разных случаев не единообразен. Например, когда разногласия, возникшие при заключении договора, по соглашению сторон передаются на рассмотрение арбитражного суда, уже самого судебного решения достаточно для возникновения (изменения) материального правоотношения. В то время как для случаев, когда имеет место спор, связанный с понуждением ответчика к заключению договора, судебное решение выступает лишь определенной предпосылкой, одним из юридических фактов, «который может привести к возникновению соответствующего договорного обязательства: уже после вынесения такого решения сами стороны должны будут заключить соответствующий договор, подписав документ, содержащий условия, указанные в судебном решении» [2, с. 80–81].

При всей теоретической основательности подходов, обосновывающих сложный фактический состав с участием судебного решения, устанавливающего субъективные гражданские права и обязанности, данный научный спор не влечет принципиальных последствий для выяснения гражданско-правовой значимости судебного решения – вне зависимости от того, автономный это факт, либо их совокупность, или «суррогат юридического факта» [8, с. 326]. Лю-

judgements, i.e. judgements that recognize the rightness of the defendant's objections and the inadequacy of the plaintiff's claims [8, p. 325]. Of the same kind is the author's remark that none of the existing concepts mentions erroneous court judgements that 'confirm' the existence of rights and obligations that do not actually exist [8]. At the same time, we see the excessiveness of such a procedural gradation for the purposes of civil law research on the court judgement as a jural fact since the legislative idea implemented in subitem 3 of Item 1 of Article 8 of the RF CC Civil Code of the Russian Federation is based on the presumption that the civil consequences meant are those of a legitimate and justified court judgement.

On the contrary, we see the following methodological positions as significant for the purposes of this study.

At least two of them clearly follow from the text of the law. The first is related to the very title of Article 8 of the RF CC 'The Grounds for the Arising of Civil Rights and Obligations', which indicates not so much the protective function of a court judgement but rather its legal and factual function associated with the creation of civil consequences in the form of establishing previously non-existent civil rights and obligations for the participants in the disputed legal relationship.

The other one is related to the literal wording of subitem 3 of Item 1 of Article 8 of the RF CC, from which it follows that only those court judgements that establish civil rights and obligations fall under the category of grounds for the commencement of civil rights and obligations. This means that the legislator sees jural facts only in those facts that are aimed at achieving a certain civil result, and does not list among the grounds for the occurrence of civil rights and obligations those cases where 'a court judgement 'executes the law' by establishing the actual existence and significance of the disputed legal relationship' [41, pp. 12, 13]. The result of such execution of the law with the interference of the judiciary is the transformation of the existing legal relationship. This is the case when the court implements its protective function on the basis of a modificatory claim. In this

regard, it is proposed in the literature to distinguish between the direct and dual substantive effect of a judicial act issued for such claims [3, p. 20].

The opinions about the court judgement as a jural fact of substantive law differ depending on whether the supporters of such recognition take into account the pre-procedural and post-procedural (executive) stages in the existence of those civil rights and obligations that are conferred or imposed on a person by the court as a result of the constitutive type judgement. Therefore, approaches to the doctrinal assessment of the court judgement as a jural fact of civil law also differ. Some scholars do not complicate the discussion by going into the problem of whether the court judgement is an independent jural fact of substantive law or only a part of a complex set of facts. Others insist on its non-independence, seeing the court judgement only as an intermediate fact that entails the emergence of civil rights and obligations [9, p. 325; 22, p. 200; 59, p. 133]. The third group of scholars believe that the right-establishing effect of a court judgement is not the same for different cases. For example, when disagreements that arose during the conclusion of a contract are brought to the commercial court by the parties, the court judgement itself is sufficient for the emergence (change) of a substantial legal relationship. However, for cases where there is a dispute related to the compulsion of the defendant to conclude a contract, the court judgement is only a certain prerequisite, one of the jural facts 'that can lead to the emergence of the corresponding contractual obligation: after delivering such a judgement, the parties will have to conclude an appropriate contract by signing a document containing the conditions specified in the court judgement' [2, pp. 80–81].

Despite the theoretical thoroughness of the approaches that justify a complex set of facts involving a court judgement that establishes civil rights and obligations, this scientific dispute does not entail fundamental consequences for determining the civil law significance of a court judgement – regardless of whether it is an autonomous fact, or it is a complex of facts, or it is a 'surrogate of a jural fact' [8, p. 326]. Any outcome thereof does

бой его исход не отменяет той данности, что конститутивное судебное решение способно в силу прямого указания закона выступать юридически значимым обстоятельством для сферы гражданско-правового регулирования. А любая детализация фактических обстоятельств будет иметь оттенок субъективности, ведь пределы собирания фактов в конкретный фактический состав, в содержании которого присутствует судебное решение, не всегда оказываются очевидными. Фактический состав далеко не всегда определяется теми или иными нормативными актами, немало случаев, когда он характеризуется лишь общими признаками. Момент умозрительности обеспечивает то положение, при котором любое юридическое последствие может быть признано порождаемым не единственным юридическим фактом. Как небезосновательно замечено в литературе, все существующие концепции о сложных юридических фактах, фактических составах – это следствие недостаточной методологической проработки вопросов, детализирующих механизм правового регулирования [29, с. 52].

Еще одним значимым методологическим ориентиром для исследования гражданско-правовой значимости судебного решения является тот факт, что конститутивная функция для судебного решения все-таки не является обычной. По общему правилу права и обязанности сторон в гражданском праве возникают в первую очередь по инициативе самих сторон правоотношения, на основе их автономного и инициативного волеизъявления. А потому в статье 8 ГК РФ речь идет не просто о традиционной охранительной функции судебного решения, как это иногда принято считать [24, с. 26], а о том исключительном случае, когда при разрешении возникшего спора суд пришел к необходимости установить для участников спорного материально-правового отношения не существовавшие у них ранее субъективные гражданские права и обязанности. Заметим, что никакой другой юрисдикционный орган, кроме суда, не может удовлетворить охраняемый законом интерес или защитить субъективное гражданское право преобразованием материального правоотношения. Такими свойствами – свойствами корректировки существующего статуса лица обладает не всякое судебное решение, а лишь то, которое в науке процессу-

ального права поименовано преобразовательным. Закрепление за судебным решением правообразующей силы – это экстраординарный момент для гражданско-правового регулирования, ориентированного на метод диспозитивности и автономии воли.

Заключение

Перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей не является самоопределяющимся. Его возможный и допустимый набор предопределен предметом гражданско-правового регулирования и его методом. Отсюда ведущими и основополагающими основаниями названы сделки и договоры, как те основания, которые наиболее полно отражают субъективную правовую автономию, раскрываемую через диспозитивность и юридическое равенство участников гражданско-правовых отношений. Судебное решение – особый юридический факт для гражданско-правового регулирования, поскольку его происхождение основано на одностороннем волеизъявлении суда как органа публичной власти. Отсюда его постановление влечет за собой два вида юридических последствий – материально-правовые и процессуально-правовые.

Ограниченность исследования проблем гражданско-правовой значимости судебного решения вопросами их онтологии, раскрывающими особенности этой категории в одном лишь статическом аспекте, связанном структурно и содержательно с общей теорией юридических фактов, оставила без внимания отдельные аспекты ее гражданско-правовой проблематики.

Проведя исследование случаев гражданско-правового использования понятия «судебное решение как юридический факт гражданского права» автор пришел к выводу о том, что, согласно пункту 1 подпункту 3 статьи 8 ГК РФ, гражданско-правовую науку интересуют не все судебные акты, которыми разрешается дело по существу, а лишь те, которые направлены на достижение определенного гражданско-правового результата. При этом норма указывает не на все судебные акты, а лишь те, которые имеют гражданско-правовое значение в виде установления гражданских прав и обязанностей лиц. Отличительной чертой является также экстраординарность данной нормы, согласно ко-

not negate the givenness that a constitutive court judgement can, by virtue of express reference by the law, act as a legally significant circumstance for the civil law regulation sphere. And any detailing of the actual circumstances will have a shade of subjectivity because the limits of collecting facts within a specific set of facts with the court judgement included are not always obvious. The set facts is not always determined by specific regulations, there are many cases when it is characterized only by general features. The speculativeness present here leads to a situation where any legal consequence can be recognized as being engendered not by a single jural fact. As is quite reasonably noted in literature, all the existing concepts about complex jural facts and sets of facts are caused by insufficient methodological investigation of issues that detail the legal regulation mechanism [29, p. 52].

Another significant methodological reference point for the study of the civil significance of the court judgement is the fact that the constitutive function is not ordinary for the court judgement. According to the general rule, the rights and obligations of the parties to legal relations under civil law arise primarily on the initiative of the parties themselves, on the basis of their autonomous and initiative expression of will. For this reason, Article 8 of the RF CC is not just about the traditional protective function of the court judgement, as sometimes commonly believed [24, p. 26], but about the exceptional case when, while resolving a dispute, the court faces the need to establish for the dispute participants civil rights and obligations that did not previously exist for them. Let us note that no jurisdictional body other than a court can satisfy a legally protected interest or protect a civil right through the transformation of a substantive legal relationship. Such features – the features of correcting the existing status of a person – are not the features possessed by any court judgement, they are only possessed by one that is called transforma-

tive in the science of procedural law. Assigning the right-establishing function to a court judgement is an extraordinary moment for the civil law regulation, which is focused on the discretionary method and autonomy of the will.

Conclusions

The list of grounds for the commencement of civil rights and obligations is not self-determining. Its possible and allowable content is predetermined by the subject of civil law regulation and method. Hence, the leading and fundamental grounds are deals and contracts as being the grounds that most fully reflect the subjective legal autonomy revealed through the optionality and legal equality of participants in civil law relations. The court judgement is a special jural fact for the civil law regulation since it originates from the unilateral expression of the will of the court as a public authority. It follows from here that a court ruling entails two types of legal consequences – substantive legal consequences and procedural legal consequences.

Certain aspects of the civil law problematics of research into the civil significance of the court judgement were left unaddressed due to the fact that researchers confine themselves to studying the issues of the court judgements ontology that reveal the features of this category in only one static aspect, linked structurally and meaningfully to the general theory of jural facts.

Having conducted a study of cases where the concept of the ‘court judgement as a jural fact of civil law’ is used, we can draw a conclusion that, according to subitem 3 of Item 1 of Article 8 of the RF CC, the science of civil law is concerned not with all judicial acts that solve cases on the merits, but only with those that are aimed at achieving a certain civil law result. Noteworthy is that the norm refers to not all judicial acts, but only those that have civil law significance in the form of establishing civil rights and obligations of persons. A distinctive feature is also the extraordinary nature of this norm which runs that civil rights and

торой гражданские права и обязанности могут возникнуть не по воле самих участников спорного правоотношения, а по воле суда, на что есть прямое указание закона. Причисление решения суда, устанавливающего гражданские права и обязанности, к числу юридических фактов гражданского права означает наделение его свойствами и признаками, присущими другим юридически значимым обстоятельствам, выполняющим роль элемента в механизме гражданско-правового регулирования.

Сложность исследования упомянутых проблем обусловлена сопряжением данной нормы со сложными общетеоретическими, процессуальными и цивилистическими аспектами. В этом одна из причин существования в цивилистических исследованиях методологически ошибочных суждений о судебных решениях, рассматриваемых в качестве юридических фактов гражданского права. В связи с этим сформулированы отдельные методологические позиции, значимые для научного описания судебного решения т. н. юридического факта материального права. Основополагающим из них является тот, что в пространстве гражданского права есть два вида судебных решений. Первые не охватываются понятием юридического факта, представляя собой правозащитный акт, выполняющий функцию защиты права, что определено процессуально-правовой природой судебного решения, т. н. решения-нефакты. И судебные решения, несущие дополнительный кроме правозащитного эффект, связанный с признанием судебного решения юридическим фактом, служа одновременно основанием для установления прав и обязанностей участников рассматриваемого судом спора, не существовавших у них до обращения в суд.

Таким образом, нормативные посылы (подп. 3 ст. 8 и ст. 11 ГК РФ соответственно), позволяющие констатировать подобный дуализм, делают допустимым утверждение, согласно которому не всякое судебное решение можно и нужно рассматривать как юридический факт гражданского права.

Библиографический список

1. Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Алферова Ю. Н., Арсланов К. М., Байгушева Ю. В. и др. Гражданское право: учебник; в 3 т. 2-е

изд., перераб. и доп.; под ред. д.ю.н., проф. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2018. Том 1. 1040 с.

2. Абушенко Д. Б. О материально- и процессуально-правовых особенностях исков и судебных решений по требованиям о заключении, изменении или прекращении договора // Вестник гражданского процесса. 2013. № 2. С. 60–108.

3. Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2013. 30 с.

4. Авдюков М. Г. Судебное решение. М.: Госюриздат, 1959. 192 с.

5. Алексеев С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925–1989. М.: Статут, 2001. С. 54–68.

6. Алексий П. В., Карпентян Э. Э., Маликов Б. З. Судебное решение и юридический факт: допустимо ли отождествление? // Закон и право. 2015. № 1. С. 74–76.

7. Аюшеева И. З., Белов В. Е., Белова Д. А., Булаевский Б. А., и др. Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия: монография / отв. ред. д.ю.н., проф. В. Л. Слесарев. М.: Проспект, 2017. 176 с.

8. Белов В. А. Гражданское право. Т. II, кн. 2. Факты: учебник для акад. бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 497 с.

9. Белов В. А. Юридические факты в гражданском праве: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 450 с.

10. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко; пер. Г. В. Чуршук М.: Nota Bene, 2000. 576 с.

11. Бибило В. Н. Судебный акт как юридический термин // Вестник Гродненского государственного университета. 2013. № 4. С. 6–12.

12. Божко М. П. Судебное решение как юридический факт материального права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2006. Вып. 5. С. 178–181.

13. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: ВЮОН, 1963. 197 с.

14. Вердников В. Г. О плановом характере хозяйственного договора // Современное государство и право. 1966. № 4. С. 63–70.

obligations can arise not through the own will of the participants in disputed legal relations, but through the will of the court, this being directly specified by the law. The inclusion of a court judgement establishing civil rights and obligations into the group of jural facts of civil law means that it is endowed with the features and characteristics intrinsic to other legally significant circumstances serving as elements in the mechanism of civil law regulation.

The difficulties of studying the above problems are conditioned by the fact that this norm is linked with complex general theoretical, procedural and civil law aspects. This is one of the reasons why civil studies comprise methodologically erroneous opinions on court judgements viewed as jural facts of civil law. Therefore, certain methodological positions were formulated that are important for the scientific description of the court judgement as a jural fact of substantive law. The fundamental one is that there are two types of court judgements in the civil law sphere. Court judgements of one type are not covered by the concept of jural fact and represent acts that perform the right-protection function determined by the procedural legal nature of the court judgement, the so-called non-fact judgements. Court judgements of the other type carry an additional effect, apart from the right-protective one, that is associated with recognizing the court judgement as a jural fact and serves as a ground for establishing the rights and obligations of the participants in the dispute considered by the court, while such rights and obligations had not existed before the participants applied to the court.

Thus, the normative provisions (subitem 3 of Article 8 and Article 11 of the RF CC) that allow for such a dualism make it possible to claim that not every court judgement can and should be considered a jural fact of civil law.

References

1. Abramova E. N., Averchenko N. N., Alferova Yu. N., Arslanov K. M., Baygusheva Yu. V. et al. *Grazhdanskoe pravo (uchebnik)* [Civil Law

(textbook)]. In 3 vols.; 2nd ed., revised and expanded. Ed. by Doctor of Law, Professor A. P. Sergeev). Moscow, 2018. Vol. 1. 1040 p. (In Russ.).

2. Abushenko D. B. *O material'no- i protsessual'no-pravovykh osobennostyakh iskov i sudebnykh resheniy po trebovaniyam o zaklyuchenii, izmenenii ili prekrashhenii dogovora* [On the Substantive Law and Procedural Law Features of Claims and Judicial Decisions on the Requirements for the Conclusion, Modification or Termination of a Contract]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* – Herald of Civil Procedure. 2013. Issue 2. Pp. 60–108. (In Russ.).

3. Abushenko D. B. *Problemy vzaimovliyaniya sudebnykh aktov i yuridicheskikh faktov material'nogo prava v tsivilisticheskom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Issues of the Mutual Influence of Judicial Acts and Jural Facts of Substantive Law in the Civil Process: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Tver, 2013. 30 p. (In Russ.).

4. Avdyukov M. G. *Sudebnoe reshenie* [Judicial Decision]. Moscow, 1959. 192 p. (In Russ.).

5. Alekseev S. S. *Odnostoronnie sdelki v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya* [Unilateral Transactions in the Mechanism of Civil Law Regulation]. *Antologiya ural'skoy tsivilistiki. 1925-1989* [Anthology of the Ural Civil Law Studies 1925-1989]. Moscow, 2001. Pp. 54–68. (In Russ.).

6. Aleksey P. V., Karapetyan E. E., Malikov B. Z. *Sudebnoe reshenie i yuridicheskiy fakt: dopustimo li otozhdestvlenie?* [Judicial Decision and Jural Fact: Is Identification Permissible?]. *Zakon i pravo* – Law and Legislation. 2015. Issue 1. Pp. 74–76. (In Russ.).

7. Ayusheeva I. Z., Belov V. E., Belova D. A., Bulaevskiy B. A. et al. *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika: problemy vzaimodeystviya: monografiya* [Civil Legislation and Judicial Practice: Problems of Interaction: monograph]. Ed. by Doctor of Law, Professor V. L. Slesarev. Moscow, 2017. 176 p. (In Russ.).

8. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo. Tom II. Kniga 2: Fakty: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata i magistratury* [Civil Law. Vol. II. Book 2. Facts: Textbook for Academic Bachelor's and Master's Degree Programs]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2016. 497 p. (In Russ.).

9. Belov V. A. *Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Jural Facts in Civil Law:

15. Власенко В. А. Судебное решение как основание установления гражданских прав и обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. 28 с.
16. Галайда Е. В. Судебное решение как юридический факт // *Economics. Law. State*. 2019. № 2 (4). С. 47–51.
17. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / ред. и предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 816 с.
18. Гольцов В. Б., Голованов Н. М. Судебное решение как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // *Знание*. 2018. № 2-2 (54). С. 55–62.
19. *Гражданское право: учебник для юрид. ин-тов* / под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1944. Т. 1. 419 с.
20. *Гражданское право: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право* / отв. ред. Е. И. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 800 с.
21. *Гражданское право: учебник; в 4 т. Т. 1: Общая часть* / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 576 с.
22. Грось Л. А. Судебное решение – акт применения норм процессуального и материального права, юридический факт в процессуальном и материальном праве // *Lex Russica*. 2004. № 1. С. 195–201.
23. Гурвич М. А. Виды исков по советскому гражданскому процессуальному праву // *Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права*. 1945. № 2. С. 1–12.
24. Демин А. А. Судебное решение в механизме гражданско-правового регулирования // *Законность и правопорядок*. 2020. № 1 (25). С. 26–30.
25. Диденко А. Г. Вызовы времени: теория юридических фактов и ее отражение в правовой действительности // *Избранное* / сост. Е. В. Нестерова. М.: Статут, 2019. С. 72–111.
26. Долинская В. В. Понятие и классификации юридических фактов: очерк систематизации // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 4. С. 91–102.
27. Морандьер Л. Ж. де ла. Гражданское право Франции / пер. и вступ. ст.: Е. А. Флейшиц. М.: Иностр. лит., 1958. 742 с.
28. Загайнова С. К. Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // *Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов* / под ред. Л.Ф. Леснищевой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. 400 с.
29. Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования. М.: Волтерс Клувер, 2007. 142 с.
30. Ильина О. Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 8. С. 13–17.
31. Иоффе О. С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1949. 144 с.
32. Исаков В. Б. Проблемы теории юридических фактов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985. 27 с.
33. Исаков В. В. Юридические факты // *Общая теория государства и права: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко*. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 2. 608 с.
34. Кнунер Р. Юридические факты: возникновение и упадок одного правового института в немецком праве. // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565#pos=3.
35. Кнунер Р. Закон и история. О состоянии и изменениях Германского гражданского уложения / предислов. М.К. Сулейменова. Алма-Аты: Изд. объединение «Номос» (Баден-Баден), 2005. 278 с.
36. Коваленко Е.Н. Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. 26 с.
37. Коваленко И. Н. Судебные решения в российской правовой политике // *Юристы-Правоведь*. 2008. № 6 (31). С. 50–53.
38. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. слово А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009. 160 с.
39. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. д-ра юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 430 с.
40. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Юрид. лит., 1958. 183 с.
41. Кулишер А. Защита субъективных публичных прав посредством иска. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. 48 с.
42. Кутюхин И. В. О связи юридического факта и правоотношения // *Ленинградский юридический журнал*. 2007. № 3. С. 38–41.
- Textbook for Bachelor's and Master's Degree Programs]. Moscow, 2016. 450 p. (In Russ.).
10. Bergel J.-L. *Obshhaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Ed. by V. I. Danilenko; transl. by G. V. Churshukov. Moscow, 2000. 576 p. (In Russ.).
11. Bibilo V. N. *Sudebnyy akt kak yuridicheskiy termin* [Judicial Act as a Legal Term]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Pravovedenie – Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 2013. Issue 4. Pp. 6–12. (In Russ.).
12. Bozhko M. P. *Sudebnoe reshenie kak yuridicheskiy fakt material'nogo prava* [Judicial Decision as a Jural Fact of Substantive Law]. *Yuridicheskie nauki – Legal Sciences*. 2006. Issue 5. Pp. 178–181. (In Russ.).
13. Bratus' S. N. *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava* [The Subject and System of Soviet Civil Law]. Moscow, 1963. 197 p. (In Russ.).
14. Verdnikov V. G. *O planovom kharaktere khozyaystvennogo dogovora* [On the Planned Nature of the Economic Contract]. *Sovremennoe gosudarstvo i pravo – Modern State and Law*. 1966. Issue 4. Pp. 63–70. (In Russ.).
15. Vlasenko V. A. *Sudebnoe reshenie kak osnovanie ustanovleniya grazhdanskikh prav i obyazannostey: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial Decision as a Basis for Establishing Civil Rights and Obligations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 28 p. (In Russ.).
16. Galayda E. V. *Sudebnoe reshenie kak yuridicheskiy fakt* [Judicial Decision as a Jural Fact]. *Economics. Law. State*. 2019. Issue 2 (4). Pp. 47–51. (In Russ.).
17. Gambarov Yu. S. *Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast'* [Civil Law. General Part]. Ed. and prefaced by V. A. Tomsinov. Moscow, 2003. 816 p. (In Russ.).
18. Gol'tsov V. B., Golovanov N. M. *Sudebnoe reshenie kak osnovanie vznikhoveniya, izmeneniya i prekrashheniya grazhdanskikh prav i obyazannostey* [Judicial Decision as a Basis for the Emergence, Modification and Termination of Civil Rights and Obligations]. *Znanie – Knowledge*. 2018. Issue 2-2 (54). Pp. 55–62. (In Russ.).
19. *Grazhdanskoe pravo: Uchebnik dlya yuridicheskikh institutov* [Civil Law: Textbook for Juridical Institutes]. Ed. by M. M. Agarkov, D. M. Genkin. Moscow, 1944. Vol. 1. 419 p. (In Russ.).
20. *Grazhdanskoe pravo: v 4 t. Tom 3: Obyazatel'stvennoe pravo* [Civil Law: in 4 vols. Vol. 3: Law of Obligations]. Ed. by E. I. Sukhanov. 3rd ed., revised and expanded. Moscow, 2005. 800 p. (In Russ.).
21. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik v 4 t. Tom 1: Obshhaya chast'* [Civil Law: Textbook in 4 vols. Vol. 1: General Part]. Ed. by E. A. Sukhanov. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2019. 576 p. (In Russ.).
22. Gros' L. A. *Sudebnoe reshenie – akt primeneniya norm protsessual'nogo i material'nogo prava, yuridicheskiy fakt v protsessual'nom i material'nom prave* [Judicial Decision as an Act of Applying the Norms of Procedural and Substantive Law, as a Jural Fact in Procedural and Substantive Law]. *Lex Russica*. 2004. Issue 1. Pp. 195–201. (In Russ.).
23. Gurvich M. A. *Vidy iskov po sovetskomu grazhdanskomu protsessual'nomu pravu* [Types of Claims under the Soviet Civil Procedure Law]. *Izvestiya akademii nauk SSSR. Otdelenie ekonomiki i prava – Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Economics and Law*. 1945. Issue 2. Pp. 1–12. (In Russ.).
24. Demin A. A. *Sudebnoe reshenie v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya* [Judicial Decision in the Mechanism of Civil Law Regulation]. *Zakonnost' i pravoporyadok – Legality and Legal Order*. 2020. Issue 1 (25). Pp. 26–30. (In Russ.).
25. Didenko A. G. *Vyzovy vremeni: teoriya yuridicheskikh faktov i ee otrazhenie v pravovoy deystvitel'nosti* [Challenges of the Time: the Theory of Jural Facts and Its Reflection in the Legal Reality]. *Izbrannoe* [Selection]. Comp. by E. V. Nesterova. Moscow, 2019. Pp. 72–111. (In Russ.).
26. Dolinskaya V. V. *Ponyatie i klassifikatsii yuridicheskikh faktov: ocherk sistematizatsii* [The Concept and Classification of Jural Facts: an Essay on Systematization]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018. Issue 4. Pp. 91–102. (In Russ.).
27. de la Morandière L. J. *Grazhdanskoe pravo Frantsii* [Civil Law of France]. Transl. and prefaced by E. A. Fleishits. Moscow, 1958. 742 p. (In Russ.).
28. Zagaynova S. K. *Teoreticheskie problemy kharakteristiki sudebnykh aktov v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh* [Theoretical Problems of the Characteristics of Judicial Acts in Civil and

43. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.

44. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др. / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. (автор комментария к ст. 8 ГК РФ А. А. Павлов). 1469 с.

45. Подвальный И. О. Судебное решение: от теории вопроса к арбитражной практике // Арбитражные споры. 2005. № 3 (31). С. 145–161.

46. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. 1326 с.

47. Протасов В. Н. Общая теория процессуального права: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 186 с.

48. Ракитов А. И. Проблемы логики научного познания. М.: Наука, 1964. 410 с.

49. Рафилова З. Л. Значение системы юридических фактов в гражданском праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 219–225.

50. Рожкова М. А. Понятие судебного решения в контексте статьи 8 ГК РФ // Хозяйство и право. 2002. № 6. С. 53–64.

51. Рожкова М. А. Юридические факты в гражданском праве // Хозяйство и право. 2006. № 7. 78 с. (приложение).

52. Рожкова М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 418 с.

53. Рыженков В. Я. Юридические факты как межотраслевая категория // Современное право. 2020. № 2. С. 5–9.

54. Синюков В. Н. Юридические факты в системе общественного отношения: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. 225 с.

55. Склизов М. Н. Теоретические и методологические основы исследования сущности судебного решения как юридического факта в гражданском праве // Право и политика. 2012. № 11. С. 1893–1906.

56. Склизов М. Н. О методологии исследования судебного решения в роли юридического факта гражданского права // Современная

наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 3. С. 202–207.

57. Тихонькова Н. В. Проблемы судебного решения как юридического факта: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 155 с.

58. Флуме В. Общая часть гражданского права. 3-е изд. М., 1979.

59. Хорунжий С. Н. Решение суда в теории юридических фактов как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // Государство и право. 2008. № 7. С. 39–47.

60. Цуканова Е. Ю. Значение юридических фактов в системе правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 39–51.

61. Чельшев М. Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2006. 160 с.

62. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 1999. 432 с.

63. Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 523 с.

64. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропикмедиа, 2012. 608 с.

65. Ярков В. В. Соотношение обязательности и исполнимости судебных актов // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 85–91.

66. Ячменев Ю. В. Доктрина юридических фактов: проблемы отраслевого (цивилистического) подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С. 75–80.

67. Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития: монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой М.: Проспект, 2020. 536 с.

68. Bartin E., Le jugement étranger considéré comme un fait: *Journal du Droit International*. 1924. № 51(4). Pp. 860–861.

69. Hippel E. von. Zur Gesetzmäßigkeit juristischer Systembildung. Berlin, 1930. 39 S.

Commercial Processes]. *Problemnye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessov* [Problematic Issues of Civil and Commercial Processes]. Ed. by L. F. Lesnitskaya, M. A. Rozhkova. Moscow, 2008. 400 p. (In Russ.).

29. Zinchenko S. A. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [Jural Facts in the Mechanism of Legal Regulation]. Moscow, 2007. 142 p. (In Russ.).

30. Il'ina O. Yu. *Sudebnoe reshenie kak osnovanie vozniknoveniya semeynykh prav i obyazannostey* [Judicial Decision as a Basis for the Emergence of Family Rights and Obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. Issue 8. Pp. 13–17. (In Russ.).

31. Ioffe O. S. *Pravootnosheniya po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Legal Relations under the Soviet Civil Law]. Leningrad, 1949. 144 p. (In Russ.).

32. Isakov V. B. *Problemy teorii yuridicheskikh faktov: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of the Theory of Jural Facts: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Sverdlovsk, 1985. 27 p. (In Russ.).

33. Isakov B. V. *Yuridicheskie fakty* [Jural Facts]. *Obshhaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Ed. by M. N. Marchenko. In 3 vols. Moscow, 2002. Vol. 2. 608 p. (In Russ.).

34. Knieper R. *Yuridicheskie fakty: vozniknovenie i upadok odnogo pravovogo instituta v nemetskom prave* [Jural Facts: the Rise and Decline of Legal Institution in German Law]. Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565#pos=3. (In Russ.).

35. Knieper R. *Zakon i istoriya. O sostoyanii i izmeneniyakh Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya* [Law and History. On the State of and Changes in the German Civil Code]. Prefaced by M. K. Suleymenov. Almaty, 2005. 278 p. (In Russ.).

36. Kovalenko E. N. *Sudebnoe reshenie: teoretiko-metodologicheskie i tekhniko-yuridicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial Decision: Theoretical-Methodological and Technical-Legal Aspects: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 26 p. (In Russ.).

37. Kovalenko I. N. *Sudebnye resheniya v rossiyskoy pravovoy politike* [Judicial Decisions in the Russian Legal Policy]. *Jurist-Pravoved*. 2008. Issue 6 (31). Pp. 50–53. (In Russ.).

38. *Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Concept of the Development of Civil Legislation of the Russian Federation]. Prefaced by A. L. Makovskiy. Moscow, 2009. 160 p. (In Russ.).

39. Korkunov N. M. *Lektsii po obshhey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Prefaced by Doctor of Law, Professor I. Yu. Kozlikhin. St. Petersburg, 2003. 430 p. (In Russ.).

40. Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Jural Facts in Soviet Civil Law]. Moscow, 1958. 183 p. (In Russ.).

41. Kulisher A. *Zashchita sub'ektivnykh publichnykh prav posredstvom iska* [Protection of Public Rights by Means of a Claim]. Moscow, 1913. 48 p. (In Russ.).

42. Kutyukhin I. V. *O svyazi yuridicheskogo fakta i pravootnosheniya* [On the Connection of a Jural Fact and a Legal Relationship]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* – Leningrad Legal Journal. 2007. Issue 3. Pp. 38–41. (In Russ.).

43. Mal'ko A. V., Shundikov K. V. *Tseli i sredstva v prave i pravovoy politike* [Goals and Means in Law and Legal Policy]. Saratov, 2003. 296 p. (In Russ.).

44. *Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynyy kommentariy k stat'yam 1-16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Basic Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. A. V. Asoskov, V. V. Baybak, R. S. Bevzenko et al.; ed. by A. G. Karapetov. Moscow, 2020. 1469 p. (In Russ.).

45. Podval'nyy I. O. *Sudebnoe reshenie: ot teorii voprosa k arbitrazhnoy praktike* [Judicial Decision: from the Theory of the Issue to Commercial Practice]. *Arbitrazhnye spory* – Commercial Disputes. 2005. Issue 3 (31). Pp. 145–161. (In Russ.).

46. *Postateynyy kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy* [Article-by-Article Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One]. Ed. by P. V. Krashenninnikov]. Moscow, 2011. 1326 p. (In Russ.).

47. Protasov V. N. *Obshhaya teoriya protsessual'nogo prava: uchebnoe posobie dlya vuzov* [General Theory of Procedural Law: Textbook for Universities]. Moscow, 2020. 186 p. (In Russ.).

48. Rakitov A. I. *Problemy logiki nauchnogo poznaniya* [Problems of the Logic of Scientific Knowledge]. Moscow, 1964. 410 p. (In Russ.).

References

1. Abramova E. N., Averchenko N. N., Alferova Yu. N., Arslanov K. M., Baygusheva Yu. V. et al. *Grazhdanskoe pravo (uchebnik)* [Civil Law (textbook)]. In 3 vols.; 2nd ed., revised and expanded. Ed. by Doctor of Law, Professor A. P. Sergeev. Moscow, 2018. Vol. 1. 1040 p. (In Russ.).
2. Abushenko D. B. *O material'no- i protsessual'no-pravovykh osobennostyakh iskov i sudebnykh resheniy po trebovaniyam o zaklyuchenii, izmenenii ili prekrashhenii dogovora* [On the Substantive Law and Procedural Law Features of Claims and Judicial Decisions on the Requirements for the Conclusion, Modification or Termination of a Contract]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*. 2013. Issue 2. Pp. 60–108. (In Russ.).
3. Abushenko D. B. *Problemy vzaimovliyaniya sudebnykh aktov i yuridicheskikh faktov material'nogo prava v tsivilisticheskoy protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Issues of the Mutual Influence of Judicial Acts and Jural Facts of Substantive Law in the Civil Process: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Tver, 2013. 30 p. (In Russ.).
4. Avdyukov M. G. *Sudebnoe reshenie* [Judicial Decision]. Moscow, 1959. 192 p. (In Russ.).
5. Alekseev S. S. *Odnostoronnie sdelki v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya* [Unilateral Transactions in the Mechanism of Civil Law Regulation]. *Antologiya ural'skoy tsivilistiki. 1925-1989* [Anthology of the Ural Civil Law Studies 1925-1989]. Moscow, 2001. Pp. 54–68. (In Russ.).
6. Aleksey P. V., Karapetyan E. E., Malikov B. Z. *Sudebnoe reshenie i yuridicheskiy fakt: dopustimo li otozhdestvlenie?* [Judicial Decision and Jural Fact: Is Identification Permissible?]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*. 2015. Issue 1. Pp. 74–76. (In Russ.).
7. Ayusheeva I. Z., Belov V. E., Belova D. A., Bulaevskiy B. A. et al. *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika: problemy vzaimodeystviya: monografiya* [Civil Legislation and Judicial Practice: Problems of Interaction: monograph]. Ed. by Doctor of Law, Professor V. L. Slesarev. Moscow, 2017. 176 p. (In Russ.).
8. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo. Tom II. Kniga 2: Fakty: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata i magistratury* [Civil Law. Vol. II. Book 2. Facts: Textbook for Academic Bachelor's and Master's Degree Programs]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2016. 497 p. (In Russ.).
9. Belov V. A. *Yuridicheskie fakty v grazhdanskoy pravoye: uchebnoye posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Jural Facts in Civil Law: Textbook for Bachelor's and Master's Degree Programs]. Moscow, 2016. 450 p. (In Russ.).
10. Bergel J.-L. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Ed. by V. I. Danilenko; transl. by G. V. Churshukov. Moscow, 2000. 576 p. (In Russ.).
11. Bibilo V. N. *Sudebnyy akt kak yuridicheskiy termin* [Judicial Act as a Legal Term]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Pravovedenie – Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 2013. Issue 4. Pp. 6–12. (In Russ.).
12. Bozhko M. P. *Sudebnoe reshenie kak yuridicheskiy fakt material'nogo prava* [Judicial Decision as a Jural Fact of Substantive Law]. *Yuridicheskie nauki – Legal Sciences*. 2006. Issue 5. Pp. 178–181. (In Russ.).
13. Bratus' S. N. *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava* [The Subject and System of Soviet Civil Law]. Moscow, 1963. 197 p. (In Russ.).
14. Verdnikov V. G. *O planovom kharaktere khozyaystvennogo dogovora* [On the Planned Nature of the Economic Contract]. *Sovremennoye gosudarstvo i pravo – Modern State and Law*. 1966. Issue 4. Pp. 63–70. (In Russ.).
15. Vlasenko V. A. *Sudebnoe reshenie kak osnovanie ustanovleniya grazhdanskikh prav i obyazannostey: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial Decision as a Basis for Establishing Civil Rights and Obligations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 28 p. (In Russ.).
16. Galayda E. V. *Sudebnoe reshenie kak yuridicheskiy fakt* [Judicial Decision as a Jural Fact]. *Economics. Law. State*. 2019. Issue 2 (4). Pp. 47–51. (In Russ.).
17. Gambarov Yu. S. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'* [Civil Law. General Part]. Ed. and prefaced by V. A. Tomsinov. Moscow, 2003. 816 p. (In Russ.).
18. Gol'tsov V. B., Golovanov N. M. *Sudebnoe reshenie kak osnovanie vozniknoveniya, izmeneniya i prekrashheniya grazhdanskikh prav i obyazannostey* [Judicial Decision as a Basis for the Emergence, Modification and Termination of Civil Rights and Obligations]. *Znanie – Knowledge*. 2018. Issue 2-2 (54). Pp. 55–62. (In Russ.).
49. Rafikova Z. L. *Znachenie sistemy yuridicheskikh faktov v grazhdanskoy pravoye* [The Significance of the System of Jural Facts in Civil Law]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 2014. Issue 1. Pp. 219–225. (In Russ.).
50. Rozhkova M. A. *Ponyatie sudebnogo resheniya v kontekste stat'i 8 GK RF* [The Concept of Judicial Decision in the Context of Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Khozyaystvo i pravo – Business and Law*. 2002. Issue 6. Pp. 53–64. (In Russ.).
51. Rozhkova M. A. *Yuridicheskie fakty v grazhdanskoy pravoye* [Jural Facts in Civil Law]. *Prilozhenie k ezheмесячному zhurnalu "Khozyaystvo i pravo"* – Appendix to the Monthly Magazine 'Business and Law'. 2006. Issue 7. 78 p. (In Russ.).
52. Rozhkova M. A. *Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeystviya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theories of Jural Facts of Civil and Procedural Law: Concepts, Classifications, Bases of Interaction: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2010. 418 p. (In Russ.).
53. Ryzhenkov V. Ya. *Yuridicheskie fakty kak mezhotraslevaya kategoriya* [Jural Facts as an Intersectoral Category]. *Sovremennoye pravo – Modern Law*. 2020. Issue 2. Pp. 5–9. (In Russ.).
54. Sinyukov V. N. *Yuridicheskie fakty v sisteme obshchestvennogo otnosheniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Jural Facts in the System of Public Relations: Cand. jurid. sci. diss.]. Sverdlovsk, 1984. 225 p. (In Russ.).
55. Sklizkov M. N. *Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy issledovaniya sushhnosti sudebnogo resheniya kak yuridicheskogo fakta v grazhdanskoy pravoye* [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of the Essence of a Judicial Decision as a Jural Fact in Civil Law]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 2012. Issue 11. Pp. 1893–1906. (In Russ.).
56. Sklizkov M. N. *O metodologii issledovaniya sudebnogo resheniya v roli yuridicheskogo fakta grazhdanskogo prava* [On the Methodology of Studying Judicial Decision as a Jural Fact of Civil Law]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*. 2020. Issue 3. Pp. 202–207. (In Russ.).
57. Tikhon'kova N. V. *Problemy sudebnogo resheniya kak yuridicheskogo fakta: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Judicial Decision as a Jural Fact: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2000. 155 p. (In Russ.).
58. Flume V. *Obshchaya chast' grazhdanskogo prava. 3 izd.* [The General Part of Civil Law. 3rd ed.]. 1979. (In Russ.).
59. Khorunzhiy S. N. *Reshenie suda v teorii yuridicheskikh faktov kak osnovanie vozniknoveniya, izmeneniya i prekrashheniya grazhdanskikh prav i obyazannostey* [Judicial Decision in the Theory of Jural Facts as the Basis for the Emergence, Modification and Termination of Civil Rights and Obligations]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2008. Issue 7. Pp. 39–47. (In Russ.).
60. Tsukanova E. Yu. *Znachenie yuridicheskikh faktov v sisteme pravovogo regulirovaniya* [The Value of Jural Facts in the System of legal Regulation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2019. Issue 1. Pp. 39–51. (In Russ.).
61. Chelyshev M. Yu. *Kontseptsiya optimizatsii mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: postanovka problemy* [The Concept of Optimization of Interbranch Relations of Civil Law: Problem Statement]. Kazan, 2006. 160 p. (In Russ.).
62. Cherdantsev A. F. *Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov* [Theory of State and Law: Textbook for Universities]. Moscow, 1999. 432 p. (In Russ.).
63. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Jural Facts in the Mechanism of Implementation of the Norms of Civil Procedural Law: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1992. 523 p. (In Russ.).
64. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v tsivilisticheskoy protsesse* [Jural Facts in the Civil Process]. Moscow, 2012. 608 p. (In Russ.).
65. Yarkov V. V. *Sootnoshenie obyazatel'nosti i ispolnimosti sudebnykh aktov* [Relation Between the Binding Nature and Enforceability of Judicial Acts]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2018. Issue 5. Pp. 85–91. (In Russ.).
66. Yachmenev Yu. V. *Doktrina yuridicheskikh faktov: problemy otraslevogo (tsivilisticheskogo) podkhoda* [The Doctrine of Jural Facts: Problems of the Branch-Specific (Civil Law) Approach].

19. *Grazhdanskoe pravo: Uchebnik dlya yuridicheskikh institutov* [Civil Law: Textbook for Juridical Institutes]. Ed. by M. M. Agarkov, D. M. Genkin. Moscow, 1944. Vol. 1. 419 p. (In Russ.).
20. *Grazhdanskoe pravo: v 4 t. Tom 3: Obyazatel'stvennoe pravo* [Civil Law: in 4 vols. Vol. 3: Law of Obligations]. Ed. by E. I. Sukhanov. 3rd ed., revised and expanded. Moscow, 2005. 800 p. (In Russ.).
21. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik v 4 t. Tom 1: Obshchaya chast'* [Civil Law: Textbook in 4 vols. Vol. 1: General Part]. Ed. by E. A. Sukhanov. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2019. 576 p. (In Russ.).
22. Gros' L. A. *Sudebnoe reshenie – akt primeneniya norm protsessual'nogo i material'nogo prava, yuridicheskiy fakt v protsessual'nom i material'nom prave* [Judicial Decision as an Act of Applying the Norms of Procedural and Substantive Law, as a Jural Fact in Procedural and Substantive Law]. *Lex Russica*. 2004. Issue 1. Pp. 195–201. (In Russ.).
23. Gurvich M. A. *Vidy iskov po sovetскому grazhdanskому protsessual'nomu pravu* [Types of Claims under the Soviet Civil Procedure Law]. *Izvestiya akademii nauk SSSR. Otdelenie ekonomiki i prava* – Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Economics and Law. 1945. Issue 2. Pp. 1–12. (In Russ.).
24. Demin A. A. *Sudebnoe reshenie v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya* [Judicial Decision in the Mechanism of Civil Law Regulation]. *Zakonnost' i pravoporyadok* – Legality and Legal Order. 2020. Issue 1 (25). Pp. 26–30. (In Russ.).
25. Didenko A. G. *Vyzovy vremeni: teoriya yuridicheskikh faktov i ee otrazhenie v pravovoy deystvitel'nosti* [Challenges of the Time: the Theory of Jural Facts and Its Reflection in the Legal Reality]. *Izbrannoe* [Selection]. Comp. by E. V. Nesterova. Moscow, 2019. Pp. 72–111. (In Russ.).
26. Dolinskaya V. V. *Ponyatie i klassifikatsii yuridicheskikh faktov: ocherk sistematizatsii* [The Concept and Classification of Jural Facts: an Essay on Systematization]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 4. Pp. 91–102. (In Russ.).
27. de la Morandière L. J. *Grazhdanskoe pravo Frantsii* [Civil Law of France]. Transl. and prefaced by E. A. Fleyshits. Moscow, 1958. 742 p. (In Russ.).

28. Zagaynova S. K. *Teoreticheskie problemy kharakteristiki sudebnykh aktov v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh* [Theoretical Problems of the Characteristics of Judicial Acts in Civil and Commercial Processes]. *Problemye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessov* [Problematic Issues of Civil and Commercial Processes]. Ed. by L. F. Lesnitskaya, M. A. Rozhkova. Moscow, 2008. 400 p. (In Russ.).
29. Zinchenko S. A. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [Jural Facts in the Mechanism of Legal Regulation]. Moscow, 2007. 142 p. (In Russ.).
30. Il'ina O. Yu. *Sudebnoe reshenie kak osnovanie vozniknoveniya semeynykh prav i obyazannostey* [Judicial Decision as a Basis for the Emergence of Family Rights and Obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. Issue 8. Pp. 13–17. (In Russ.).
31. Ioffe O. S. *Pravootnosheniya po sovetскому grazhdanskому pravu* [Legal Relations under the Soviet Civil Law]. Leningrad, 1949. 144 p. (In Russ.).
32. Isakov V. B. *Problemy teorii yuridicheskikh faktov: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of the Theory of Jural Facts: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Sverdlovsk, 1985. 27 p. (In Russ.).
33. Isakov B. V. *Yuridicheskie fakty* [Jural Facts]. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Ed. by M. N. Marchenko. In 3 vols. Moscow, 2002. Vol. 2. 608 p. (In Russ.).
34. Knieper R. *Yuridicheskie fakty: vozniknovenie i upadok odnogo pravovogo instituta v nemetskom prave* [Jural Facts: the Rise and Decline of Legal Institution in German Law]. Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565#pos=3. (In Russ.).
35. Knieper R. *Zakon i istoriya. O sostoyanii i izmeneniyakh Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya* [Law and History. On the State of and Changes in the German Civil Code]. Prefaced by M. K. Suleymenov. Almaty, 2005. 278 p. (In Russ.).
36. Kovalenko E. N. *Sudebnoe reshenie: teoretiko-metodologicheskie i tekhniko-yuridicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial Decision: Theoretical-Methodological and Technical-Legal Aspects: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 26 p. (In Russ.).

- Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2012. Issue 1 (53). Pp. 75–80. (In Russ.).
67. *Yuridicheskie fakty i ikh vliyanie na otraslevye instituty prava: problemy i napravleniya razvitiya. Monografiya* [Jural Facts and Their Impact on the Branch-Specific Institutions of Law: Problems and Directions of Development. Monograph]. Ed. by V. N. Sinyukov, M. A. Egorov. Moscow, 2020. 536 p. (In Russ.).
68. Martin E. *Le Jugement Étranger Considéré Comme un Fait. Journal du Droit International*. 1924. Issue 51 (4). Pp. 860–861. (In Fr.).
69. von Hippel F. *Zur Gesetzmäßigkeit juristischer Systembildung*. Berlin, 1930. 39 p. (In Germ.).

References in Russian

1. Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Алферова Ю. Н., Арсланов К. М., Байгушева Ю. В. и др. *Гражданское право: учебник; в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп.; под ред. д.ю.н., проф. А.П. Сергеева*. М.: Проспект, 2018. Том 1. 1040 с.
2. Абушенко Д. Б. О материально- и процессуально-правовых особенностях исков и судебных решений по требованиям о заключении, изменении или прекращении договора // *Вестник гражданского процесса*. 2013. № 2. С. 60–108.
3. Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2013. 30 с.
4. Авдюков М. Г. *Судебное решение*. М.: Госюриздат, 1959. 192 с.
5. Алексеев С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // *Антология уральской цивилистики*. 1925–1989. М.: Статут, 2001. С. 54–68.
6. Алексей П. В., Каранетян Э. Э., Маликов Б. З. *Судебное решение и юридический факт: допустимо ли отождествление?* // *Закон и право*. 2015. № 1. С. 74–76.
7. Аюшеева И. З., Белов В. Е., Белова Д. А., Булаевский Б. А., и др. *Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия: монография / отв. ред. д.ю.н., проф. В. Л. Слесарев*. М.: Проспект, 2017. 176 с.
8. Белов В. А. *Гражданское право*. Т. II, кн. 2. *Факты: учебник для акад. бакалавриата и*

- магистратуры*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 497 с.
9. Белов В. А. *Юридические факты в гражданском праве: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры*. М.: Юрайт, 2016. 450 с.
10. Бержель Ж.-Л. *Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко; пер. Г. В. Чуршукова*. М.: Nota Bene, 2000. 576 с.
11. Бибило В. Н. Судебный акт как юридический термин // *Вестник Гродненского государственного университета*. 2013. № 4. С. 6–12.
12. Божко М. П. Судебное решение как юридический факт материального права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2006. Вып. 5. С. 178–181.
13. Братусь С. Н. *Предмет и система советского гражданского права*. М.: ВЮИОН, 1963. 197 с.
14. Вердников В. Г. О плановом характере хозяйственного договора // *Современное государство и право*. 1966. № 4. С. 63–70.
15. Власенко В. А. Судебное решение как основание установления гражданских прав и обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. 28 с.
16. Галайда Е. В. Судебное решение как юридический факт // *Economics. Law. State*. 2019. № 2 (4). С. 47–51.
17. Гамбаров Ю. С. *Гражданское право*. Общая часть / ред. и предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 816 с.
18. Гольцов В. Б., Голованов Н. М. Судебное решение как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // *Знание*. 2018. № 2-2 (54). С. 55–62.
19. *Гражданское право: учебник для юрид. ин-тов / под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина*. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1944. Т. 1. 419 с.
20. *Гражданское право: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право / отв. ред. Е. И. Суханов*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 800 с.
21. *Гражданское право: учебник; в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 576 с.
22. Грось Л. А. *Судебное решение – акт применения норм процессуального и материального права, юридический факт в процессуальном и материальном праве* // *Lex Russica*. 2004. № 1. С. 195–201.

37. Kovalenko I. N. *Sudebnye resheniya v Rossiyskoy pravovoy politike* [Judicial Decisions in the Russian Legal Policy]. *Jurist-Pravoved*. 2008. Issue 6 (31). Pp. 50–53. (In Russ.).
38. *Kontsepsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Concept of the Development of Civil Legislation of the Russian Federation]. Prefaced by A. L. Makovskiy. Moscow, 2009. 160 p. (In Russ.).
39. Korkunov N. M. *Leksii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Prefaced by Doctor of Law, Professor I. Yu. Kozlikhin. St. Petersburg, 2003. 430 p. (In Russ.).
40. Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Jural Facts in Soviet Civil Law]. Moscow, 1958. 183 p. (In Russ.).
41. Kulisher A. *Zashhita sub"ektivnykh publichnykh prav posredstvom iska* [Protection of Public Rights by Means of a Claim]. Moscow, 1913. 48 p. (In Russ.).
42. Kutjukhin I. V. *O svyazi yuridicheskogo fakta i pravootnosheniya* [On the Connection of a Jural Fact and a Legal Relationship]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* – Leningrad Legal Journal. 2007. Issue 3. Pp. 38–41. (In Russ.).
43. Mal'ko A. V., Shundikov K. V. *Tseli i sredstva v prave i pravovoy politike* [Goals and Means in Law and Legal Policy]. Saratov, 2003. 296 p. (In Russ.).
44. *Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateyny kommentariy k stat'yam 1-16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Basic Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. A. V. Asoskov, V. V. Baybak, R. S. Bevzenko et al.; ed. by A. G. Karapetov. Moscow, 2020. 1469 p. (In Russ.).
45. Podval'nyy I. O. *Sudebnoe reshenie: ot teorii voprosa k arbitrazhnoy praktike* [Judicial Decision: from the Theory of the Issue to Commercial Practice]. *Arbitrazhnye spory* – Commercial Disputes. 2005. Issue 3 (31). Pp. 145–161. (In Russ.).
46. *Postateyny kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy* [Article-by-Article Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One]. Ed. by P. V. Krashenninnikov]. Moscow, 2011. 1326 p. (In Russ.).
47. Protasov V. N. *Obshchaya teoriya protsessual'nogo prava: uchebnoe posobie dlya vuzov* [General Theory of Procedural Law: Textbook for Universities]. Moscow, 2020. 186 p. (In Russ.).
48. Rakitov A. I. *Problemy logiki nauchnogo poznaniya* [Problems of the Logic of Scientific Knowledge]. Moscow, 1964. 410 p. (In Russ.).
49. Rafikova Z. L. *Znachenie sistemy yuridicheskikh faktov v grazhdanskom prave* [The Significance of the System of Jural Facts in Civil Law]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* – Actual Problems of Economics and Law. 2014. Issue 1. Pp. 219–225. (In Russ.).
50. Rozhkova M. A. *Ponyatie sudebnogo resheniya v kontekste stat'i 8 GK RF* [The Concept of Judicial Decision in the Context of Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Khozyaystvo i pravo* – Business and Law. 2002. Issue 6. Pp. 53–64. (In Russ.).
51. Rozhkova M. A. *Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave* [Jural Facts in Civil Law]. *Prilozhenie k ezhemesyachnomu zhurnalu "Khozyaystvo i pravo"* – Appendix to the Monthly Magazine 'Business and Law'. 2006. Issue 7. 78 p. (In Russ.).
52. Rozhkova M. A. *Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeystviya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theories of Jural Facts of Civil and Procedural Law: Concepts, Classifications, Bases of Interaction: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2010. 418 p. (In Russ.).
53. Ryzhenkov V. Ya. *Yuridicheskie fakty kak mezhotraslevaya kategoriya* [Jural Facts as an Intersectoral Category]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2020. Issue 2. Pp. 5–9. (In Russ.).
54. Sinyukov V. N. *Yuridicheskie fakty v sisteme obshchestvennogo otnosheniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Jural Facts in the System of Public Relations: Cand. jurid. sci. diss.]. Sverdlovsk, 1984. 225 p. (In Russ.).
55. Sklizkov M. N. *Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy issledovaniya sushhnosti sudebnogo resheniya kak yuridicheskogo fakta v grazhdanskom prave* [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of the Essence of a Judicial Decision as a Jural Fact in Civil Law]. *Pravo i politika* – Law and Politics. 2012. Issue 11. Pp. 1893–1906. (In Russ.).
56. Sklizkov M. N. *O metodologii issledovaniya sudebnogo resheniya v roli yuridicheskogo fakta grazhdanskogo prava* [On the Methodology of Studying Judicial Decision as a Jural Fact of Civil Law]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* – Modern Science: Actual Problems of
23. Гурвич М. А. Виды исков по советскому гражданскому процессуальному праву // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 2. С. 1–12.
24. Демин А. А. Судебное решение в механизме гражданско-правового регулирования // Законность и правопорядок. 2020. № 1 (25). С. 26–30.
25. Диденко А. Г. Вызовы времени: теория юридических фактов и ее отражение в правовой действительности // Избранное / сост. Е. В. Нестерова. М.: Статут, 2019. С. 72–111.
26. Долинская В. В. Понятие и классификации юридических фактов: очерк систематизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 91–102.
27. Морандьер Л. Ж. де ла. Гражданское право Франции / пер. и вступ. ст.: Е. А. Флейшиц. М.: Иностр. лит., 1958. 742 с.
28. Загайнова С. К. Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. 400 с.
29. Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования. М.: Волтерс Клувер, 2007. 142 с.
30. Ильина О. Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.
31. Иоффе О. С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. 144 с.
32. Исаков В. Б. Проблемы теории юридических фактов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985. 27 с.
33. Исаков В. В. Юридические факты // Общая теория государства и права: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 2. 608 с.
34. Книпер Р. Юридические факты: возникновение и упадок одного правового института в немецком праве. // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565#pos=3.
35. Книпер Р. Закон и история. О состоянии и изменениях Германского гражданского уложения / предислов. М.К. Сулейменова. Алма-Аты: Изд. объединение «Номос» (Баден-Баден), 2005. 278 с.
36. Коваленко Е.Н. Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. 26 с.
37. Коваленко И. Н. Судебные решения в российской правовой политике // Юристы-Правоведь. 2008. № 6 (31). С. 50–53.
38. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. слово А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009. 160 с.
39. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. д-ра юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 430 с.
40. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Юрид. лит., 1958. 183 с.
41. Кулишер А. Защита субъективных публичных прав посредством иска. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. 48 с.
42. Кутюхин И. В. О связи юридического факта и правоотношения // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 38–41.
43. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.
44. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др. / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. (автор комментария к ст. 8 ГК РФ А. А. Павлов). 1469 с.
45. Подвальный И. О. Судебное решение: от теории вопроса к арбитражной практике // Арбитражные споры. 2005. № 3 (31). С. 145–161.
46. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. 1326 с.
47. Протасов В. Н. Общая теория процессуального права: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 186 с.
48. Ракитов А. И. Проблемы логики научного познания. М.: Наука, 1964. 410 с.
49. Рафикова З. Л. Значение системы юридических фактов в гражданском праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 219–225.
50. Рожкова М. А. Понятие судебного решения в контексте статьи 8 ГК РФ // Хозяйство и право. 2002. № 6. С. 53–64.

Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2020. Issue 3. Pp. 202–207. (In Russ.).

57. Tikhon'kova N. V. *Problemy sudebnogo resheniya kak yuridicheskogo fakta: dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of Judicial Decision as a Jural Fact: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2000. 155 p. (In Russ.).

58. Flume V. *Obshhaya chast' grazhdanskogo prava. 3 izd.* [The General Part of Civil Law. 3rd ed.]. 1979. (In Russ.).

59. Khorunzhiy S. N. *Reshenie suda v teorii yuridicheskikh faktov kak osnovanie vozniknoveniya, izmeneniya i prekrashheniya grazhdanskikh prav i obyazannostey* [Judicial Decision in the Theory of Jural Facts as the Basis for the Emergence, Modification and Termination of Civil Rights and Obligations]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2008. Issue 7. Pp. 39–47. (In Russ.).

60. Tsukanova E. Yu. *Znachenie yuridicheskikh faktov v sisteme pravovogo regulirovaniya* [The Value of Jural Facts in the System of legal Regulation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo* – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2019. Issue 1. Pp. 39–51. (In Russ.).

61. Chelyshev M. Yu. *Kontseptsiya optimizatsii mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: postanovka problemy* [The Concept of Optimization of Interbranch Relations of Civil Law: Problem Statement]. Kazan, 2006. 160 p. (In Russ.).

62. Cherdantsev A. F. *Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov* [Theory of State and Law: Textbook for Universities]. Moscow, 1999. 432 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

В. Г. Голубцов, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-484-513

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273

63. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Jural Facts in the Mechanism of Implementation of the Norms of Civil Procedural Law: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1992. 523 p. (In Russ.).

64. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v tsivilisticheskom protsesse* [Jural Facts in the Civil Process]. Moscow, 2012. 608 p. (In Russ.).

65. Yarkov V. V. *Sootnoshenie obyazatel'nosti i ispolnimosti sudebnykh aktov* [Relation Between the Binding Nature and Enforceability of Judicial Acts]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian Juridical Journal. 2018. Issue 5. Pp. 85–91. (In Russ.).

66. Yachmenev Yu. V. *Doktrina yuridicheskikh faktov: problemy otraslevogo (tsivilisticheskogo) podkhoda* [The Doctrine of Jural Facts: Problems of the Branch-Specific (Civil Law) Approach]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2012. Issue 1 (53). Pp. 75–80. (In Russ.).

67. *Yuridicheskie fakty i ikh vliyanie na otraslevye instituty prava: problemy i napravleniya razvitiya. Monografiya* [Jural Facts and Their Impact on the Branch-Specific Institutions of Law: Problems and Directions of Development. Monograph]. Ed. by V. N. Sinyukov, M. A. Egorov. Moscow, 2020. 536 p. (In Russ.).

68. *Bartin E. Le Jugement Étranger Considéré Comme un Fait. Journal du Droit International*. 1924. Issue 51 (4). Pp. 860–861. (In Fr.).

69. *von Hippel F. Zur Gesetzmäßigkeit juristischer Systembildung*. Berlin, 1930. 39 p. (In Germ.).

About the authors:

V. G. Golubtsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348;

ResearcherID: H-4690-2015

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-484-513

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273

51. *Рожкова М. А. Юридические факты в гражданском праве // Хозяйство и право*. 2006. № 7. 78 с. (приложение).

52. *Рожкова М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2010. 418 с.

53. *Рыженков В. Я. Юридические факты как межотраслевая категория // Современное право*. 2020. № 2. С. 5–9.

54. *Синюков В. Н. Юридические факты в системе общественного отношения: дис. ... канд. юрид. наук*. Свердловск, 1984. 225 с.

55. *Склизов М. Н. Теоретические и методологические основы исследования сущности судебного решения как юридического факта в гражданском праве // Право и политика*. 2012. № 11. С. 1893–1906.

56. *Склизов М. Н. О методологии исследования судебного решения в роли юридического факта гражданского права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. 2020. № 3. С. 202–207.

57. *Тихонькова Н. В. Проблемы судебного решения как юридического факта: дис. ... канд. юрид. наук*. Саратов, 2000. 155 с.

58. *Флуме В. Общая часть гражданского права*. 3-е изд. М., 1979.

59. *Хорунжий С. Н. Решение суда в теории юридических фактов как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // Государство и право*. 2008. № 7. С. 39–47.

60. *Цуканова Е. Ю. Значение юридических фактов в системе правового регулирования*

About the authors:

V. G. Golubtsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348;

ResearcherID: H-4690-2015

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-484-513

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273

ния // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 39–51.

61. *Чельшев М. Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина*. Казань, 2006. 160 с.

62. *Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов*. М.: Юрайт, 1999. 432 с.

63. *Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук*. Екатеринбург, 1992. 523 с.

64. *Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе*. М.: Инфотропикмедиа, 2012. 608 с.

65. *Ярков В. В. Соотношение обязательности и исполнимости судебных актов // Российский юридический журнал*. 2018. № 5. С. 85–91.

66. *Ячменев Ю. В. Доктрина юридических фактов: проблемы отраслевого (цивилистического) подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2012. № 1 (53). С. 75–80.

67. *Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития: монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой*. М.: Проспект, 2020. 536 с.

68. *Bartin E., Le jugement étranger considéré comme un fait: Journal du Droit International*. 1924. № 51(4). Pp. 860–861.

69. *Hippel E. von . Zur Gesetzmäßigkeit juristischer Systembildung*. Berlin, 1930. 39 S.

Информация об авторах:

В. Г. Голубцов, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-484-513

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273